

INSPIRIA

КРИСТИНА ДАЛЧЕР

МАСТЕР- КЛАСС

БУДУЩЕЕ,
КОТОРОЕ
МОЖЕТ
НАСТУПИТЬ
УЖЕ
ЗАВТРА

INSPIRIA

Universum. Грани будущего

Кристина Далчер

Мастер-класс

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Далчер К.

Мастер-класс / К. Далчер — «Эксмо», 2020 — (Universum. Грани будущего)

ISBN 978-5-04-117818-5

В США уже несколько десятков лет назад началась реформа образования. Чтобы эффективно распределять средства, учеников делят на уровни, каждый месяц измеряя их Коэффициент. Те, у кого он достаточно высок, получают право на привилегии и возможность поступить в колледж, отстающие же отправляются в таинственные интернаты в глубинке. Елена, успешный преподаватель и мать двух дочерей, совершенно раздавлена, когда Фредди, ее младшая, получает грозное уведомление о переводе. За фасадом благих намерений она замечает опасные призраки прошлого – ведь детей не впервые в истории делят на категории. На что готова мать, чтобы спасти своего ребенка? Встречайте новую книгу от автора всемирно известного романа «Голос» о будущем, которое может наступить уже завтра. «Далчер удивительным образом сочетает элементы триллера и антиутопии, фантазируя о том, к чему может привести тенденция оценивать детей по результатам тестов. Поклонники «Рассказа служанки» будут в восторге». — Publisher Weekly

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117818-5

© Далчер К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Слова благодарности	7
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	24
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Глава восьмая	34
Глава девятая	37
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	47
Глава тринадцатая	49
Глава четырнадцатая	52
Глава пятнадцатая	55
Глава шестнадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кристина Далчер

Мастер-класс

Посвящается памяти Керри Элизабет Бак¹, 1906–1983, и тем детям, которых Керри, как и многим другим, родить не позволили.

Christina Dalcher
Master Class

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Christina Dalcher

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

---

¹ Керри Бак была заключенной колонии для эпилептиков и слабоумных в штате Виргиния, и ее, как и многих других, подвергли принудительной стерилизации согласно американской евгенической программе. – Здесь и далее примечания переводчика.

Слова благодарности

Из нескольких сотен страниц книги эта страничка особенно важна. И написать ее, кстати, оказалось труднее всего – нелегко ведь найти нужные слова, чтобы выразить благодарность всем тем людям – а их было немало, – которые принимали участие в создании книги от ее замысла до появления на книжной полке. Во всяком случае, мне, автору книги, решить эту задачу было очень непросто, а потому я предлагаю вам самим вспомнить или вообразить себе любое количество хвалебных слов в свой адрес, любое количество всевозможных уточнений – ибо всему этому найдется место в моей душе, – когда вы будете читать мои, увы, бледные слова благодарности, с которыми я к вам обращаюсь.

Итак, я безмерно благодарна:

Моему литературному агенту, великолепной Лауре Брэдфорд, за постоянную поддержку и умение вовремя протянуть руку помощи и подбодрить словом. Лаура, ты самая лучшая!

Моему американскому редактору Синди Хван, которая сперва мягко намекнула мне, что книга могла бы быть лучше, – и помогла сделать ее таковой.

Шарлотте Мерселл, моему заокеанскому редактору, за ее безграничный энтузиазм.

Первым читательницам романа, моим помощницам-критикам и душевным подругам Стефании Хаттон, Софи ван Льюин и Кайле Понграк. Для меня большая честь считать своими подругами упомянутых дам, пользующихся в писательском мире поистине колоссальным влиянием.

Издателям, графическим дизайнерам, распространителям и всем прочим, кто вложил немало труда в создание этой книги.

Микаэлу Д'Антонио за его письма, которые мне очень помогли, и за ту весьма важную информацию, которой он со мной поделился. Ведь той книги, которую вы сейчас прочтете, могло бы и не возникнуть, если бы мне в руки не попала великолепная работа Микаэла «Восстание государственных мальчиков»². Вы можете и сами поблагодарить его, купив эту книгу.

И моему мужу, Брюсу Далчеру, который весьма внимательно читает все мои опусы, подмечая недочеты и давая самые честные комментарии. Желаю каждому иметь такого друга и партнера. Надеюсь, впрочем, что я это заслужила.

По сравнению со старой Европой, потерявшей бесконечно много своей лучшей крови во время войны и эмиграции, американская нация представляется мне молодой, сильной и достаточно чистой в расовом отношении.

Адольф Гитлер. Вторая книга Гитлера

Трех поколений слабоумных вполне достаточно.

Оливер Венделл Холмс-младший, член Верховного суда США

Они поступили со мной дурно, несправедливо. Они со всеми нами поступили несправедливо.

Керри Бак

---

² Michael D'Antonio. The State Boys Rebellion, 2004. В этой книге шокирующая правда об американской эре евгеники и экспериментах над группой мальчиков в государственной школе в Массачусетсе в конце 1940-х гг.

Глава первая

Невозможно знать заранее, на что ты будешь способна, чтобы избавиться от дерьмового брака и обеспечить своим дочерям справедливую возможность достигнуть успеха. Заплатишь много денег? Откажешься ради этой цели от привычного комфорта? От уютного богатого дома? Сумеешь солгать, обмануть, украсть? Я не раз задавала себе эти вопросы; полагаю, это делали и многие другие матери. Правда, одного вопроса я никогда себе не задавала – в основном потому, что мне не нравится ответ. Совсем не нравится. У меня всегда был слишком силен инстинкт самосохранения. Всегда.

Вчера вечером, когда девочки уже легли, я снова поговорила с Малколмом. Но мысли свои попыталась выразить как бы кружным путем, чтобы мои слова не вывели мужа из обычного флегматичного состояния и, не дай бог, не вызвали взрыва гнева.

– Мне это давно уже просто осточертело, Малк, – с ходу заявила я. – А Фредди так и вовсе совершенно всем этим измучена.

Он оторвался от своих деловых бумаг и даже соизволил на меня посмотреть.

– Что именно тебе осточертело?

– Да все эти числа, все эти бесконечные индексы и коэффициенты. Бесконечное давление. В общем, все!

– Я понял, – сказал он и снова погрузился в ворох отчетов и записок с напоминаниями. И, по-моему, вздохнул с облегчением, когда я оставила его в покое и пошла спать.

У нас в семье давно уже творилось что-то нехорошее.

Я уж и вспомнить не могу, каково это было прежде, до того как всем нам стали приклеивать ярлыки с цифровым показателем умственного развития Q, превратившимся как бы в дополнительный – и неестественный! – отпечаток пальцев, в некий знак, почетный для одних и позорный для других. Хотя, наверное, за десять с лишним лет можно привыкнуть к чему угодно. Привыкли же мы к мобильным телефонам. Неужели вы еще помните то время, когда не носили целую вселенную в заднем кармане джинсов? Неужели вы еще помните, как, сидя на полу и болтая с подружкой ни о чем, бездумно раскручивали спираль телефонного провода, а потом смотрели, как она снова скручивается? Помните это? Я, например, и помню, и не помню. Видеокассеты с блокбастерами, взятые на два дня в видеотеке, книжные магазины размером с самолетный ангар – все это лишь далекие померкшие воспоминания о той жизни, что была раньше, до того как любую новинку стало можно получить в тот же день.

То же самое и с Q-показателями, то есть показателями умственного развития, хотя наша личная жизнь, конечно, постоянно ограничена некими номерами и числами: это и номер нашей социальной страховки, обеспечивающей частичный возврат налогов; и номер маминого домашнего телефона, когда возникает необходимость ей позвонить; и наш средний балл после окончания школы или колледжа, и десятки анкет с этими средними баллами, которые при поступлении на работу сваливают в бесчисленные и бездонные коробки. В магазине одежды мужчины перестают быть мужчинами, превращаясь в размер 34, или 16,5, или 33. А женщины соответственно – в 6, 8, 14... В наиболее «продвинутых» магазинах нас воспринимают чуть иначе: по нашим личным меркам. В приемной у врача главным в нас является рост и вес, и мы видим, как первый показатель потихоньку ползет вниз, а второй куда более активно взлетает вверх.

Мы всегда являли собой некий набор чисел. Номер доставки, телефон домашнего врача, оба показателя давления (систолического и диастолического), номер диплома о высшем образовании, номер диплома о получении докторской степени, «вайтлз» 35–22–35 (в дюймах, черт бы побрал эту Мэрилин!), пин-коды, номера вкладов и срок их истечения. Телефон Дженни из той старой песенки. И то, что помнят лишь немногие, – полностью номер своей карты Visa. А

также, разумеется, свой точный возраст. Свои пароли в интернете. И, наконец, свой IQ, коэффициент умственного развития.

Вот какие мысли бродили у меня в голове, пока я стояла в очереди в кассу в самом обыкновенном продуктовом магазине, однако на этот раз очередь моя состояла из тех, кто пользуется определенными преимуществами; моя тележка была нагружена чуть ли не сотней разнообразных пакетов, банок и коробок – этого, на мой взгляд, было вполне достаточно на несколько дней для семьи из четырех человек. А вот вчера в супермаркете «Сейфуэй» пять других женщин, стоявших позади меня, поглядывали на мою тележку весьма раздраженно, даже гневно. С одной из них я, помнится, училась в колледже. По-моему, она вечно занималась какой-то общественной работой. Хорошенькая, тоненькая, но не слишком умная. Как же, черт побери, ее звали? Полетт? Полина? Пэтти? Пэтти? Да, Пэтти. Она была пятой в очереди в единственную работающую кассу, и в руках у нее был всего лишь пакет обезжиренного молока. Одна-единственная покупка Пэтти в сравнении с моей полной тележкой. Я уже подвинулась было, пропуская ее вперед, но кассир лишь безнадежно пожал плечами и покачал головой: «Нет-нет-нет».

– Ее карточка все равно на этой линии не работает, – сказал он мне. – Вы же знаете.

И он поднес к сканеру мою карту, мою волшебную карту с волшебным числом, начинающимся с цифры 9. Девять и сколько-то десятых или сотых. Впрочем, важна именно первая цифра, Пэтти не сказала ни слова. А ведь когда-то она бы точно молчать не стала. В те времена она сама или еще кто-то из «другого класса» попросту перегородил бы мне путь к кассе своей тележкой. Я как-то раз видела настоящую кулачную драку на заправочной станции, где схлестнулись некий коротышка в офисном костюме и парень, работавший в хозяйственном магазине на Мейн-стрит. Собственно, настоящей драки там не было. Просто Офисный Костюм глянул на Мистера Экс-футболиста, расплатился картой, сел в свой «Лексус» и уехал. И когда карта Мистера Экс-футболиста не сработала, он стал бить кулаками по дисплею бензоколонки, пока руки его не покраснели от крови. Вскоре появился полицейский. Не знаю, какой у этого футболиста был IQ, но и ежу ясно, что ниже девятки.

Теперь мы все уже привыкли и к разным очередям, и к разным уровням, и к разным ударам для разных людей.

Наверное, со временем люди способны привыкнуть к чему угодно.

Глава вторая

В моем доме теперь девять будильников. Один возле моей кровати поставлен на пять часов, второй начинает верещать за час до прибытия школьного автобуса Энн, еще три отмечают последние тридцать, пятнадцать и семь минут до ее выхода из дома. То же самое – для Фредди, ее школьный автобус прибывает несколько позже. Девять будильников звонят, трещат и издают мелодичное «бим-бом» пять дней в неделю, и мне постоянно кажется, будто я участвую в каком-то проклятом игровом телешоу.

И это всего лишь для того, чтобы мои дочери не опоздали на школьный автобус.

Когда я была в их возрасте, мать просто подходила к лестнице и кричала, чтобы я потопливалась. В ее голосе всегда четко чувствовалось соотношение нежности и строгости, когда она, всего лишь произнося мое имя, подгоняла меня, заставляла немедленно встать, одеться и спуститься вниз. И все же я порой ухитрялась опоздать на автобус и прибегала на остановку, когда он уже поворачивал за угол и его задние огни исчезали в утреннем тумане. Со всеми тогда такое случалось. Подумаешь, опоздала на автобус. Ничего страшного.

Никаких особых побудительных мотивов, чтобы непременно успеть на автобус – на *правильный* автобус, – тогда не было.

Малколм, разумеется, уже ушел и сейчас, уютно устроившись в своем в светлом кабинете, ждет, когда кто-то из его младших помощников принесет ему кофе и цельнозерновые булочки с обезжиренным мягким сыром. Он никогда не видит, как его дочери каждое утро устраивают соревнование «Кто не успеет попасть в школу вовремя?». На самом деле очень плохо, что его никогда в это время нет дома. Призы в этом соревновании так и не установлены, а вот наказания проигравшим – мотивация весьма серьезная.

– Фредди! – крикнула я из кухни, чувствуя, что мой голос куда меньше похож на голос моей матери и куда больше – на рев отчаявшейся львицы, пытающейся защитить своих детенышей от стаи гиен, кружащих поодаль. – Энн!

Тридцатиминутный сигнал готовности для Энн раздался, когда я выкладывала ложкой йогурт из полторалитровой банки, прыгая на одной ноге и пытаясь второй ногой поправить сползший ремешок босоножки. Энн тут же высунула голову из-за угла и молча кивнула в знак полной боевой готовности.

А вот Фредди, разумеется, была не готова и никаких признаков жизни пока не подавала. Черт побери!

Сегодня второй день итогового тестирования, учебный год в школе заканчивается, мне явно светит опоздание, а моя младшая дочь даже к завтраку еще не спустилась! Единственное, о чем я способна была в данный момент думать, – это желтый автобус, неторопливо движущийся по нашей улице, с Ловцом Детей за рулем.

В детстве мне часто снились сны о Ловце Детей из того старого мюзикла, где был летающий автомобиль, а главную роль играл Дик Ван Дайк, с трудом пробиравшийся сквозь сложности английского произношения. Ловец Детей шнырял возле моего дома в предзвездных сумерках, и у него были черные лоснящиеся, точно смазанные жиром, волосы и нос, как у Пинокио. И он терпеливо выжидал.

С виду этот Ловец Детей был вовсе не такой уж страшный; его повозка так и звенела от множества колокольчиков и сияла огнями; и он был даже симпатичным, когда танцевал в своем киношном балахоне цветов «техноколор» или обещал детям всякие замечательные вещи и сладости. В конце концов, какой ребенок будет шарахаться от колокольчиков, пестрых цветов и сластей? И если ты оказывался там впервые, то не знал, конечно, что повозка Ловца Детей – это на самом деле тюремная камера с железными решетками, а сам он подо всеми

своими цветными одежками с головы до ног облачен в черное и потом непременно утащит свою жертву в темную пещеру.

Но я-то, посмотрев это кино дважды, все уже знала. И когда в третий раз смотрела, тоже знала. И в четвертый, и во все последующие разы...

Я совершенно точно знала, чего он ждет.

Да, и в свои сорок с лишним я по-прежнему знала: Ловец Детей существует на самом деле.

Правда, он уже старый, седой, его волосы сквозь ветровое стекло автобуса кажутся неясным белым пятном; а на бортах у этого автобуса черной краской написано: государственные школы. Вместо прежних разноцветных балахонов Ловец Детей носит простую серую форму с вышитым на плечах логотипом Министерства образования – трехцветным, серебристо-зелено-желтым символом мира, вокруг которого расположены слова *Intelligentia, Perfectum, Sapientiae*. Интеллект, Совершенствование, Мудрость. Я бы поняла значение двух из трех, даже если б совсем не знала латыни. Желтая краска автобуса – «хром», как это называлось, когда в краске еще содержался свинец, но теперь она посветлела и стала глянцевой, – уже довольно давно стала ассоциироваться с автобусами государственных школ. Краска на нем отчасти облупилась, а вокруг фар, передней решетки и по периметру двери-гармошки и вовсе слезала хлопьями. Но, по-моему, никому и дела не было, как эти проклятые желтые автобусы выглядят. Куда важнее было то, куда они направляются и кого везут.

А вот зеленые и серебристые автобусы всегда выглядели хорошо – отполированы до блеска, ни единой выбоинки или царапинки, двери открываются, легко и бесшумно скользя в разные стороны, в отличие от скрипучих «гармошек» того желтого автобуса, который с грохотом прокатился сегодня утром по нашей улице. Водители зеленых и серебристых автобусов всегда улыбались детям, когда те садились в салон, одетые, даже пятилетки, в алую форму Гарварда или синюю Йеля.

Была у желтых автобусов и еще одна особенность. Их едва ли можно было увидеть каждый день; да и «груз» свой они собирали в самые ранние утренние часы, когда еще не рассеялся туман, а высаживали детей в то время, когда другие школьники давно уже вернулись домой и либо пьют чай, либо обедают, либо отдыхают – во всяком случае, больше уже не находятся под государственной опекой.

Обычно желтые автобусы появлялись только раз в месяц и всегда по понедельникам, после очередного Дня испытаний. То есть после сдачи тестов. И в дневное время никогда обратно не возвращались.

Они, собственно, ни в какое время обратно не возвращались. Во всяком случае – с пассажирами. И никогда раньше не заезжали в такие кварталы, как наш.

Если бы я сохранила заголовки газет за последние десять лет, они рассказали бы эту историю куда лучше меня.

Уровень иммиграции растет – ужасающий прогноз на 2050 год

Школы переполнены, всюду нехватка учителей: законодатели в тупике и не в силах найти решение

Институт геники совместно с Министерством образования предлагает расширенную компьютерную программу по определению IQ

Компания «Достойная семья» выпускает собственный учебник

Ни один ребенок не оставлен без внимания – это значит, страдают все дети!

Проект закона об образовании будет опубликован в ближайшие месяцы

Все это началось со страха, а закончилось принятием законов.

* * *

Я налила третью чашку кофе и, глянув на настенные часы, взмолилась:

– Фредди! Пожалуйста! – Впрочем, я всегда старалась разговаривать с Фредди осторожно, так что и сейчас голос мой звучал негромко, по-матерински. Я вообще готова была на все, лишь бы моя девочка сохраняла спокойствие.

Желтый автобус медленно полз по нашей улице и находился от нас всего на расстоянии двух домов, где-то в начале подъездной дорожки Кэмпбеллов, что было весьма странно, поскольку школьников в доме Мойры Кэмпбелл больше нет, во всяком случае, *дома* их точно нет, особенно если учесть, что сегодня День испытаний. А все же хорошо, что желтый автобус притормозил на *той* стороне улицы, да еще и в верхнем ее конце; гораздо лучше, чем напротив нашего дома. И это вне зависимости от того, по расписанию или нет этот автобус сюда прибыл. Господи, и когда столь банальная вещь, как желтый школьный автобус, успела превратиться в нечто, несущее чуть ли не смертельную угрозу? Это все равно что пририсовать клыки веселой улыбающейся рожице, изображенной на стене. Нет, черт побери, в этом есть что-то ужасно неправильное, унижительное.

– Фредди! – снова крикнула я. – Ради бога!

По-моему, всем девятилетним детям свойственна такая особенность; и она, пожалуй, не менее ужасна, чем родовые муки, и столь же непредсказуема – иной раз просто волосы дыбом от страха встают, – как бесконечные ночные кормления, круп, двусторонняя пневмония и первое заявление: «А у меня теперь есть бойфренд, мам!» со стороны того самого ребенка, который, кажется, еще вчера бродил по дому в памперсах; в общем, нет ничего хуже девочек в препубертатном возрасте, особенно когда это касается утреннего туалета и сборов в школу. Но я прекрасно знала, что ни в коем случае не имею права заводить: Фредди такая, какая есть.

Замечание самой себе: смени тон. Понижь его на две октавы и на миллион децибел.

– Поторопись, детка! Сегодня тест! – Теперь я постаралась добавить в свой голос как можно больше сахарного сиропа. Интересно, не станет ли это со временем моей привычкой? Я часто прибегаю к помощи Энн, превращая ее для младшей сестры в этакого «плохого полицейского». – Энн! Пожалуйста, выведи свою сестру из дома через две минуты. Даже если она отправится в школу в разных туфлях и неподходящем берете!

Это действенное средство. На Энн, когда она не сидит, уткнувшись носом в iPad, выискивая показатели IQ каждого «стоящего» мальчика в городе в преддверии близящейся вечеринки, всегда можно положиться. Она вообще человек весьма ответственный. Всегда готова вовремя. А в День испытаний неизменно приезжает домой с безмятежной улыбкой и сияет, когда поздно вечером на ее телефоне или планшете вспыхивает «яблоко» – сигнал успешно пройденного теста. Это Фредди вечно боится провалиться и перед тестом никак не может выйти из ванной, в пятый раз моя руки, а однажды утром я с трудом отыскала ее в туалете: она скорчилась на унитазах, уткнувшись головой в колени, вся тряслась и выходить из своего убежища категорически отказывалась.

– Ты должна поехать в школу, детка, – уговаривала ее я. – Тесты обязаны проходить все без исключения.

– Почему?

Почему? Я попыталась придумать ответ, который успокоил бы ее.

– Чтобы понять, к какой группе относится тот или иной человек. – И, желая ее приободрить, я прибавила: – Будь умницей, ты же всегда получала очень высокие оценки.

Но я никогда не говорила (хотя это и было бы честнее): «Ничего, ты же всегда как-то проскакивала. И на этот раз тоже проскочишь». Впрочем, подобные слова ничего не принесли бы, кроме вреда.

В коридоре возникла Энн, по-прежнему приклеенная к экрану; она быстро набирала какие-то слова, что-то расширяла, стирала, повторяла вслух какие-то числа.

– 9,1! Вот дубина! Ух ты, а у этого 8,8! Ну, полный дуб. – Потом она повернулась ко мне: – Ой, мам, ты бы видела этого уроды из школы в Арлингтоне, помнишь? Он теперь съехал аж до 8,26! И вряд ли пройдет тест по крови. Кретин.

– Восемь и три десятых – это обычно уровень В, – напомнила я ей.

– Больше уже нет, мам.

Ну, в точности как отец, – подумала я, но вслух ничего не сказала. Энн абсолютно уверена, что солнце встает и садится там, где Малколм. А может, и обращается вокруг него. Уж это-то мне, по крайней мере, было ясно.

– Где же все-таки твоя сестра? – Я уже застегивала плащ. Энн сказала, что Фредди «уже идет».

Автобус Энн – серебристый, тот самый, что повезет в элитную школу тех, у кого Коэффициент выше девяти, – уже повернул за угол и начинал тормозить, разворачивая свои «крылышки», знаки остановки, подъезжая к месту сбора детей. Там уже выстроилась целая вереница машин; ученики, сидя на заднем сиденье и сжимая в руках сверкающие идентификационные карточки, ждали, когда им можно будет пересест в автобус. Серо-стальной «Лексус», первый в ряду, подъехал к «карману» на проезжей части, и его задняя дверца тут же распахнулась, выпустив девочку, ровесницу Энн. Я видела ее и раньше на одной из встреч родителей с учителями, которые устраивают в школе Энн каждую осень. Сегодня девочка явно была не в форме: непричесанные волосы свисали вдоль лица крупными кольцами, а в глазах, насколько я успела заметить, затаился страх, как у испуганной собаки, и она как-то странно все время поглядывала в дальний конец улицы на желтый автобус.

Энн подошла ко мне, и теперь мы вместе стали смотреть из окна на улицу. Я мельком оглядела дочь: рюкзак небрежно свисает с плеча, в руке зажата серебристая карточка-пропуск, одна лямка рюкзака так туго перехватила шею, что стала похожа на петлю висельника.

– По-моему, – сказала я, – вон та девочка страшно нервничает.

– И зря, – пожала плечами Энн. – Это Сабрина. Коэффициент у нее просто отличный. – И она заговорщицким шепотом сообщила: – В отличие от Жюли Уинстон, между прочим. Знаешь, мам, Жюли ведь на прошлой неделе чуть не завалила продвинутый тест по математике. – Она с аппетитом откусила от яблока и снова принялась что-то писать в своем iPad.

Я отвернулась от окна, покрытого каплями дождя, и удивленно заметила:

– Мне казалось, что результаты тестов конфиденциальны. – Но я, разумеется, тоже когда-то в школе училась. И хорошо знаю, каковы дети.

Энн снова небрежно пожала плечами.

– Ну, в общем, да. Но только не «особо выдающиеся». Ты же сама прекрасно знаешь. Да. Знаю.

– Короче, у Жюли теперь самый низкий Коэффициент в классе, и все из-за того теста по математике, – продолжала Энн. – *А еще* у нее в этой четверти три дня пропущены по болезни. *А еще* она опоздала в прошлую среду на автобус. *А еще* ее мама получила уведомление об увольнении, *так что* уровень дохода в их семье понизился. А при подсчете общего Коэффициента все это складывается вместе. – Энн снова откусила от яблока. И снова что-то быстро

напечатала, видимо, ответ кому-то. – В общем, если ей не удастся серьезно поднять свой балл, то на следующей неделе она переседет на зеленый автобус. А к декабрю, может, и вон на тот. – Энн мотнула подбородком в сторону желтого автобуса, явно кого-то ждущего под дождем. – Пару лет в желтой школе – и наша умница Жюли будет вынуждена бургеры разносить.

– Энн. Честное слово...

А ей хоть бы что. Только еще раз плечами пожала. Моя старшая дочь стала прямо-таки чемпионкой по пожиманию плечами. Неужели ей настолько все безразлично?

– Ну и что? Кто-то же должен и бургеры разносить. Хотя бы до тех пор, пока в «Макдоналдсе» все не автоматизируют. Смотри-ка, похоже, сегодня утром желтый автобус и впрямь приехал за кем-то с нашей улицы. Странно!

Ее тон спокоен, как у журналиста-комментатора. Таким тоном Малколм обычно рассказывает за обедом, сколько еще государственных школ будет открыто в следующем месяце и каков средний Коэффициент в стране, в столице и в нашем районе. Подобные сводки он непременно выдает нам каждый день, считая, видимо, что всех нас это страшно интересует. Впрочем, Энн всегда устраивается с ним рядом и буквально не сводит с него глаз, жадно впитывая информацию.

А вот Фредди – совсем другое дело.

Глава третья

Энн уже вышла на улицу – в одной руке iPad, на шее болтается лента с серебряной карточкой. Пять футов пять дюймов сплошной самоуверенности. Моя самоуверенная дочь широким шагом двинулась к автобусу и, проходя мимо той самой девочки – как же ее имя? Сабрина, кажется? – всего лишь кивнула ей в знак приветствия, а потом сразу присоединилась к группе таких же шестнадцатилетних подростков, которые, как и сама Энн, считают чужую неудачу заразной.

По-моему, эта Сабрина не совсем здорова, высокий у нее показатель Q-теста или нет. Хотя выглядит она прекрасно, волосы блестят, как это бывает только у очень юных девушек, школьная форма сидит как влитая. Короче, если судить по внешнему виду, у Сабрины есть все на свете. Однако в жизни случаются разные ловушки и возникают совершенно неожиданные помехи, и в некоторых случаях помочь не может даже бездонная яма с деньгами.

Я понятия не имела, что там с этой девочкой происходит, но мне вдруг захотелось выбежать к ней под дождь, спрятаться под ее зонтом и угостить ее бананом, овсяным печеньем, горячим шоколадом, да просто обнять и сказать, что, даже если она провалила какой-то тест, это еще не означает ее собственного провала.

Но ведь означает. В таком возрасте – тем более.

Школьники один за другим подходили к серебристому автобусу, держа в руке карты, которые требовалось сканировать. После чего раздавался довольно неприятный пронзительный звон, который было слышно даже через улицу за закрытым окном моей гостиной, и очередной обладатель серебряной карты получал доступ в автобус. Двери распахивались, поглощая его, и снова закрывались, поджидая следующего. Трудно было представить, что ученики старших классов способны проявить подобную организованность, однако все в очереди четко следовало установленным правилам. И подчинялись законам, которые эти правила подкрепляют. И я вдруг подумала: а ведь они-то и есть настоящие Ловцы Детей – те мужчины и женщины, что такие законы пишут.

Вообще-то давно следовало бы догадаться. Ведь один из них – мой муж.

Сабрина оказалась последней в очереди, и лишь в ответ на визг сканера на ее губах наконец-то появилась слабая улыбка. Перед ней распахнулись двери, дающие доступ в теплое нутро автобуса, спасающее от дождя, но она все же один раз оглянулась, прежде чем подняться по ступенькам, и как бы охватила взглядом всю нашу улицу вплоть до дома Гринов. Улыбка тут же растаяла у нее на лице. Сегодня у нее есть серебряная карта. А на следующей неделе? Кто знает?

Я, впрочем, так и не заметила лучшей подруги Энн, Джудит Грин, что очень странно, поскольку Джуди почти всегда первой садится в автобус, держа наготове свою серебряную карту. Такое ощущение, словно она живет и дышит исключительно ради школы, ради выполнения домашних заданий, ради докладов по прочитанным книгам.

Ученики Серебряной школы имени Давенпорта! Последний сигнал для вас. Автобус Серебряной школы отправляется. Последний сигнал для тех, кто едет в Серебряную школу имени Давенпорта...

«Сигнал» – слово неподходящее. Все эти слова произносит – точнее, бубнит – монотонный, лишенный выражения голос «фембота», робота-андроида с подчеркнута женской внешностью. Этот голос, гулко разносящийся по всему кварталу, следовало бы назвать как-то иначе. Может быть, «последним предупреждением»?

Итак, дверцы серебристого автобуса в последний раз мягко открылись и закрылись, а Джудит Грин на улице так и не появилась.

Как только автобус отчалил, на освободившуюся стоянку тут же устремился его зеленый собрат. За ним выстроилась новая вереница ожидающих машин, соседские школьники по лужам брели к своему автобусу. Какой-то мальчишка нарочно прыгнул прямо в неглубокую лужицу, обрызгав грязной водой троих ближайших соседей. Те только засмеялись – в общем, как самые обычные дети.

– Фредди! – крикнула я. – Я в последний раз тебя предупреждаю! – И мне тут же захотелось забрать свои слова обратно.

Фредди наконец-то спустилась в гостиную; рюкзак тяжело свисал с ее правого плеча, отчего она была больше похожа на горбуна Квазимодо, а не на здоровую девятилетнюю девочку. И лицо у нее сразу стало какое-то старое, усталое. С утра Фредди не переписывается в Твиттере, не роется в сетях, не грызет с аппетитом яблоко – она вообще ничего не делает, только каждый раз со страхом смотрит куда-то мимо меня, где за окном поджидает детей зеленый автобус.

– В чем дело, золотце? – Я ласково прижала ее к себе, хотя прекрасно знала, в чем дело, черт бы все это побрал.

– Можно мне сегодня заболеть? – Эти слова она произнесла дрожащим голосом, таким тоненьким стаккато, когда между каждым звуком словно повисает крошечная воздушная пауза. И прежде чем я успела ответить, Фредди в моих объятьях вдруг задрожала всем телом, да так, что даже рюкзак сполз с плеча и с глухим стуком шлепнулся на пол.

– Нет, детка. Только не сегодня. Может быть, завтра. – Я лгала, разумеется. Болезнь требует подтверждения, и даже если бы мне удалось соврать, сказав, что у девочки поднялась температура, то самое крайнее к шести часам утра вторичная проверка, которую непременно учинила бы школьная медсестра, показала бы, что у Фредди все в порядке. И тогда она потеряла бы куда больше очков, а этого мы никак не могли себе позволить – во-первых, немало вычитается за пропущенный день, даже если он пропущен по болезни, а во-вторых, еще большее количество – если болезнь подтвердить не удалось. Нет, лучше я все-таки сегодня солгу Фредди, а завтра разберемся. Я была готова на что угодно, лишь бы девочка сейчас села в автобус. – Идем, родная. Пора.

Фредди вырвалась из моих объятий так стремительно, что у меня перехватило дыхание. Она ногой отшвырнула свой рюкзак, и тот, пролетев через всю комнату, приземлился точно на «лилию мира», которую Малколм холит и лелеет с незапамятных времен; этот цветок появился у него еще до нашей свадьбы. Увидев, что натворила, Фредди истерически зарыдала. Да уж, вряд ли можно ожидать, что Малколм придет в восторг, вернувшись домой и увидев сломанную лилию.

– Я не могу туда поехать! – кричала Фредди. – Не могу! Не могу, не могу, не могу...

Черт бы побрал эту распроклятую школу!

Внезапно мы обе оказались на полу. Фредди рвала на себе волосы, а я пыталась ее остановить. Клоchyя светлых волос уже валялись на ковре, целые пряди были зажаты у нее между пальцами. Я просто не знала, что еще предпринять, как вдруг это безумие закончилось столь же внезапно, как и началось, и Фредди, притихнув, принялась медленно качаться взад-вперед, точно одна из этих игрушечных качалок на пружине, какие обычно устанавливают на детских площадках. Такие качалки обычно выполнены в виде какого-нибудь зверька с тупой мордой и ничего не видящими глазами. И сейчас глаза Фредди были как у этих зверьков-качалок – никуда не смотрят и ничего не видят.

Я даже прикоснуться к ней не могла, видя, в каком она состоянии, хотя мне очень этого хотелось.

Должно, наверное, существовать некое слово, способное определить, что такое Фредди, но я этого слова не знаю и не представляю даже, как оно пишется или звучит. Для меня она просто Фредди. Фредерика Фэрчайлд, девяти лет, сладкая как мед, никаких особых проблем и

заморочек, если не считать самых обычных проблем и заморочек, свойственных всем девочкам ее возраста. Она отлично играет в волейбол, дает Малколму фору, сражаясь с ним в шахматы, и с аппетитом ест все, кроме брюссельской капусты. И вот сейчас этот замечательный ребенок испытывал прямо-таки панический ужас из-за какого-то идиотского теста!

В очередной раз.

– Фредди, – ласково окликнула я ее, проверив, сколько школьников осталось в очереди к зеленому автобусу. Всего двое. Сейчас просканируют их карты, они сядут в автобус, и тогда... – Детка, пора идти.

Ученики Зеленой школы имени Сангера! Последний сигнал для вас. Автобус Зеленой школы отправляется. Последний сигнал для учеников Зеленой школы...

С каким наслаждением я прикончила бы этого проклятого робота!

Пока Фредди приводила себя в порядок, я подняла ее рюкзак и сунула туда пачку бумажных салфеток, прихватив их из ящика на кухне. Затем я вложила в руку Фредди ее зеленую карту-пропуск и бодро сказала:

– У тебя все получится, уверена! Ты весь тест сдашь на «отлично»!

В ответ она лишь молча кивнула. Один раз. Господи, как же я ненавижу первую пятницу каждого месяца!

Фредди вышла из дома, когда предпоследний ребенок в очереди уже садился в автобус. Я попыталась еще раз сказать ей, что волноваться не стоит, что все будет хорошо, но она вряд ли меня услышала. Вернувшись домой, я обнаружила, что мой кофе давно остыл, а дурацкая «лилия мира», обожаемая Малколмом, выглядит так, словно в нее угодил метеорит. Я повернула горшок, чтобы самая искалеченная часть цветка смотрела в стену, и стала думать, какую бы ложь преподнести мужу сегодня вечером. Впрочем, особого значения это не имело. В последние несколько лет ложью можно было считать почти все, что я говорила Малколму, начиная с ежедневного «я тебя люблю» и кончая несколькими словами, сказанными «страстным шепотом» в те редкие вечера, когда у нас случался секс – разумеется, всегда с презервативом из той коробки, которую он держит в ящике своего прикроватного столика; разумеется, всегда с использованием особой смазки, убивающей сперматозоиды, чтобы мы уж точно больше никаких младенцев на свет не произвели.

Впрочем, Фредди я не солгала. Я не сомневалась, что тест она сдаст прекрасно. В конце концов, это у нее в генах. Что и подтвердил, кстати, пренатальный Q-тест, результаты которого я с гордостью продемонстрировала Малколму девять лет назад.

Только ведь и это тоже была ложь.

Пренатальный тест я никогда не сдавала.

Глава четвертая

Я вышла на кухню и сунула в микроволновку остывший кофе. Стоит мне подумать о генетике, и я тут же вспоминаю один разговор с моей бабушкой. Это было вскоре после того, как я узнала, что беременна Фредди.

Не очень-то приятно вспоминать об этом.

– Не нравится мне этот ваш Коэффициент. – Ома налила в крошечную рюмочку глоток шнапса, проверила уровень жидкости на свет и добавила еще с полдюйма. Я достала из холодильника бутылку с водой, открутила крышечку и, усевшись поуютней, вдруг почувствовала, что в животе у меня как будто крутится маленький тунец, внезапно решивший начать расти. – Мне не хотелось бы употреблять слово «ненавижу», потому что маленькая ненависть в один прекрасный день способна превратиться в огромный ком, и все-таки признаюсь: я ненавижу эти ваши Q-тесты.

Месяц назад было достаточно запаха алкоголя, чтобы я стремглав бросилась в ванную комнату. А теперь все уже прошло, и запах шнапса воспринимался как вполне соблазнительный.

– Ты уверена, что не хочешь капельку? – спросила бабушка. – Это тебя не убьет. Да и ребеночка тоже. – И она, вытянув руку, трижды ласково хлопнула меня по животу, уже довольно отчетливо обтянутому свитером – этакое постоянное напоминание о том, что время на исходе. – Малышка получится прекрасная. Как и твой отец, как и ты сама.

Я ненавидела, когда она вот так похлопывала меня по животу. И потом, бормотание Омы заглушало голос Петры Пеллер, доносившийся из телевизора.

Каков ваш Коэффициент? – спрашивала Петра. Она, казалось, смотрела прямо на меня.

Бутылка со шнапсом манила меня. Малколм ничего не узнает – я всегда могу использовать Ому в качестве козла отпущения, если он спросит насчет понизившегося уровня ароматной темной жидкости. Но кое-кто все равно это обнаружит. Кое-кто, сидящий в стерильном кабинете в окружении образцов мочи, принесенных из кабинета моего врача. Кое-кто, получивший образование в желтой школе и получающий зарплату за то, что исследует различные вонючие выделения беременных женщин. Кое-кто, настолько ненавидящий свою работу, что ему хочется переключить эту ненависть на кого-то другого и в первую очередь на жену того человека, который изобрел трехуровневую систему распределения детей по их IQ и при любой возможности доказывает важность этого изобретения.

И еще более важно, каков Коэффициент вашего ребенка, – продолжала вещать Петра.

– Господи, какую чушь она городит, – вздохнула бабушка. – Ребенок – это ребенок. Какое кому дело до его Коэффициента?

Я хотела сказать, что Малколму, черт бы его побрал, очень даже есть дело. Очень даже!

– А нам, простым смертным, вообще-то, известно, что означает этот проклятый Коэффициент?

Я попыталась как можно лучше объяснить ей, искусно соединяя то небольшое, что слышала от Малколма, и то, что сумела понять из новостных программ. Алгоритмы давно стали намного сложнее, чем те данные, что некогда были исходными и соотносились с показателями средней успеваемости в том или ином классе школы.

– Это количественный показатель, Ома. Коэффициент.

– Объясни мне, как его определить, этот количественный показатель, – потребовала она.

– Ой, ну, разумеется, по оценкам. По записям в журнале, где отмечается присутствие на уроках и активность того или иного ученика. В общем, все то же самое, что в школе всегда подсчитывали и учитывали.

– И это все? – В голосе бабушки слышалось сомнение.

Я покопалась в памяти, пытаюсь отыскать некие более существенные составляющие.

– Ну, еще учитывается образовательный ценз родителей и их доход. Наличие братьев и сестер. А также IQ каждого из членов одной нуклеарной семьи.

– У тебя тоже этот Коэффициент имеется?

– Он имеется у каждого, кто окончил школу или получил разрешение на работу. И каждый месяц его подсчитывают заново. – На самом деле я давно перестала следить за этим. У меня всегда были очень высокие показатели, девять с чем-то, и это с тех пор, как несколько лет назад распределение по уровням IQ двинулось на страну широким фронтом. Я удерживалась на столь высоком уровне отчасти благодаря моим научным степеням, а отчасти благодаря вполне успешной работе преподавателем в серебряной школе. Впрочем, глупо было бы думать, что столь высокий Коэффициент – полностью моя заслуга; несомненно, положение, занимаемое Малколмом, прибавляет мне пару десятых, а то и больше. Да господа, будучи заместителем министра образования, он всего лишь на одну ступень ниже самого президента!

Ома повозилась со своим слуховым аппаратом, а затем прибавила громкость в телевизоре, где по-прежнему громогласно ораторствовала Петра. Фразы летели с экрана, точно маленькие острые дроттики, пронизывая насквозь.

...особенно для тех, кому больше тридцати пяти...

...чем раньше, тем лучше...

...пренатальный Q-тест предлагает женщинам бесценную информацию, благодаря которой они способны принять невероятно важное для них решение ...

...пока не слишком поздно...

Некое число сверкнуло красным в нижней строке вместе с электронным адресом Института геники, и Петра «от всей души» посоветовала всем будущим матерям записаться на бесплатную консультацию к одному из экспертов института.

– Ну вот тут они кое в чем правы, – сказала Ома, отворачиваясь от телевизора и поворачиваясь ко мне, – вы ведь действительно не можете сказать, какими они будут. А что дальше? Вот, предположим, ты проходишь тест, и согласно этому тесту твой ребенок получится «самым обыкновенным», средним. Что подобная градация означает? Является ли это одной-единственной, определяющей меркой? – Аккуратно приподняв рюмку узловатыми пальцами, бабушка отпила глоточек и продолжила: – Когда я преподавала искусствоведение – о, это было давно, слишком давно, – у меня была одна студентка, которая не могла даже сдачу с доллара правильно подсчитать. Зато у нее имелись разные другие таланты. Знаешь, где теперь эта девушка?

Это я знала. Работы «этой девушки», Фабианы Роман, имелись в каждой галерее от Восточного побережья Америки до Западного, я уж не говорю о ее персональных выставках. Даже Малколм однажды полюбовался на эти покрытые странными пятнами полотна, отчасти напоминающие работы Джексона Поллока, а отчасти – Эдварда Мунка, ну и для полноты ощущений ненавязчиво отсылающие к Кандинскому. Малколм называл эти картины «дегенеративными».

– Может, мне все-таки следует пройти этот тест? Просто чтобы посмотреть, – сказала я, уже царапая номер и единый указатель ресурса на обложке одного из родительских журналов, лежавших на кофейном столике.

Ома протянула руку и выхватила у меня журнал.

– Ома, в чем дело?

– Елена, скажи: ты ведь это не всерьез? Неужели ты и впрямь думаешь сделать этот тест? Amniocentesis³, насколько я понимаю. – Бабушка произнесла слово «amniocentesis» очень осто-

---

³ Внутритрунный анализ (лат.).

рожно, незнакомое сочетание звуков было трудным для ее старого языка. – Но пренатальный тест на умственное развитие? Хотя, может, это идея Малколма?

– Нет, – солгала я.

Конечно же, мы с Малколмом обсуждали этот тест; несколько раз обсуждали. И каждый раз все кончалось тем, что Малколм говорил: это, мол, мое личное решение, как я решу, так и будет лучше, и он со своей стороны никакого давления на меня оказывать не станет. Но я-то знала, причем знала совершенно точно, как именно, по мнению Малколма, будет для меня лучше. Мне уже осточертело выслушивать его теорию оправдания и поддержки системы всех этих показателей Коэффициента.

– Ты же знаешь, Ома, что теперь все иначе, – сказала я. – И школы совсем не такие, как когда-то.

Она налила себе еще чуточку шнапса.

– Хорошо. Тогда, как говорите вы, американцы: «Скажи мне об этом»?

Я поправила ее, поскольку она, как всегда, чуточку ошиблась, переводя в уме с немецкого на английский:

– «Расскажи мне об этом». Так говорят американцы.

– Скажи. Расскажи.

– Я вот что тебе скажу: ты бы хотела, чтобы твой ребенок учился в третьесортной школе? – решила я взять быка за рога.

Ома продолжала рассуждать о трех основных уровнях и классах. Но теперь я слушала ее вполуха, поскольку меня внезапно заинтересовало то, о чем говорит своему интервьюеру Петра. Кроме того, Петра была уже не одна: к ней присоединилась еще одна известная особа: Мадлен Синклер, министр образования и начальница Малколма.

Не заметить Мадлен было просто невозможно. Высокая, с очень светлыми – настолько светлыми, что они казались почти белыми, – волосами, заплетенными в классическую «французскую» косу, она носила исключительно ярко-синие, оттенка «электрик», деловые костюмы, сидевшие настолько идеально, что становилось ясно: они сшиты на заказ у первоклассного портного. На правом лацкане у нее всегда красовалась эмблема компании «Достойная семья». И сегодня Мадлен выглядела точно так же, хотя мне показалось, что черты лица у нее несколько заострились, стали более хищными, какими-то ястребиными, что ли.

– Рано или поздно это должно было случиться, – говорила интервьюеру Петра. – Мы достигли того уровня, когда система публичных школ⁴ оказалась не в состоянии справляться с умственным неравенством учащихся, не в состоянии обеспечивать так называемое всеобщее образование. Когда Министерство образования запустило ваучерную программу, мне показалось, что это отличный выход из положения. И как только стало ясно, что для внедрения этой программы нужна глубокая научная база, способная установить и усилить Q-алгоритм, у меня даже сомнений не возникло: именно Институт геники эту научную базу и обеспечит.

Ома примолкла, прислушалась, да так и застыла, не донеся до губ стаканчик со шнапсом. Телеведущий кивнул и обратился к Мадлен Синклер:

– Доктор Синклер, очевидно, и в вашей политике обнаружились некие просчеты и недостатки. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

Голубые глаза Мадлен уставились точно в камеру; казалось, она беседует не с интервьюером, а с кем-то по ту сторону экрана. Возможно, она обращалась ко мне или к той старой женщине, что сидела со мной рядом. Голос звучал спокойно и терпеливо, как у опытной учительницы, делающей внушение нашкодившему ребенку и старающейся ласково объяснить смущенному малышу, что так поступать не годится.

---

⁴ В Америке это государственные школы, в основном для учащихся младших и средних классов.

– Те или иные просчеты и недостатки всегда найдутся, – сказала она. – Это совершенно естественно. В основном нашу политику критикуют... – тут она сладко и снисходительно улыбнулась, – ...некоторые оппозиционные партии. Их представителям отчаянно хочется верить, что все мы одинаковые.

Ома слегка вздохнула.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего. Дай послушать.

– Но самое главное, – продолжала Мадлен, – так сказать, суть дела, заключается в том, что людям все-таки нужно наконец осознать, что мы, люди, далеко не одинаковы. – Она помолчала, но, заметив, что ведущий открыл рот, собираясь что-то вставить, тут же подняла руку, призывая его к молчанию. – Итак, повторяю еще раз: все мы далеко не одинаковы. – Она опять посмотрела куда-то в пространство и, помолчав, спросила: – Скажите мне, родители, вы хотите, чтобы ваш ребенок учился в одном классе с детьми, серьезно не дотягивающими до стандартного уровня развития? С детьми, которым и в десять лет не дано понять те сложные задачи, которые с легкостью решает ваш пятилетний малыш? Которые и представить себе не могут, какие препятствия ваш ребенок уже способен преодолеть? Вы хотите, чтобы ваш ребенок учился у таких учителей, которые вынуждены расплывать свое время и свое внимание на всех детей в классе, хотя их уровень развития настолько различен, что в тонкой пелене учительского внимания неизбежно образуются трещины и провалы, и в итоге каждый из детей – каждый! – рано или поздно в одну из этих трещин попадет?

– По-моему, она лукавит, – заявила Ома. – Собственно, она спрашивает о том, хотите ли вы, чтобы ваш будущий Эйнштейн учился в одном классе с двадцатью нормальными детьми. Ибо они, возможно, станут несколько тормозить развитие вашего маленького гения или даже помешают ему стать действительно Эйнштейном. – Бабушка сердито ткнула в пульт дистанционного управления, перепутала кнопки и лишь увеличила громкость как раз в тот момент, когда Петра и Мадлен, согласно кивая, принялись друг друга поддерживать. – Эти женщины – воплощенное Зло, *Liebchen*. А вот и мое такси! Значит, я все-таки кое-что еще слышу.

Такси посигналило во второй раз. Бабушке пора было возвращаться домой, к моим родителям, и я вышла ее проводить. Наше прощальное объятие на крыльце оказалось несколько иным, чем обычно – между нами даже как будто осталось немного пустого пространства, да и рука Омы у меня на спине, обычно такая твердая и теплая, на этот раз была какой-то невероятно легкой, почти неощутимой. Ее стаканчик с недопитым шнапсом так и остался на кофейном столике, но я, проигнорировав этот «зов сирены», выплеснула напиток в кухонную раковину и вернулась к телевизору.

Петра снова что-то говорила, рассказывала, что своим успехом обязана компании «Достойная семья».

– То, что сперва казалось заурядным движением обывателей, превратилось в огромный снежный ком, – сказала она, а я подумала: скорее уж в лавину.

Это началось в центральных районах страны, на тех бескрайних просторах, где царили пыль да грязь, среди которых работали немногочисленные фермерские хозяйства, на них и внимания никто не обращал. Хотя сами планы вынашивались и создавались в пропитанных шампанским и коммунистическими идеями салунах Бостона и Сан-Франциско. Разговоры о великих переменах велись также в благополучных пригородах крупных городов, в тех домах, где обитают представители верхушки среднего класса; там жены и матери частенько собираются в гостиных, чтобы поделиться друг с другом историями о том, какие мучения причиняют им потрескавшиеся от кормления соски и сколько бессонных ночей они проводят у кроватки орущего младенца. В общем, все это началось, быстро распространилось и мутировало подобно тому, как мутируют вирусы, одновременно удваивая и утраивая свою численность. Несколько голосов моментально превратились в могучий хор, требующий реформы образова-

ния. Нам не нужны новые программы школьного обучения, пел этот хор, нам нужно просто энергичней взяться за дело, приложить все силы для того, чтобы получить всеобщее признание; нам нужно, чтобы люди поняли: бессмысленно бросать деньги на ветер, пытаюсь решить проблему школьного образования с помощью обычных мер.

Хор призывал нас отказаться от ментальности, при которой всех как бы подгоняли под один-единственный размерчик.

– Однако, – вещала Петра, – перемены в любой системе невозможны без соответствующих перемен в тех людях, которые эту систему создают. Вот тут-то и вступает в игру Институт геники.

И это была чистая правда. За десять лет существования компании «Достойная семья» конкурсы типа «Наш лучший ребенок» проводились уже в каждом штате. Мотивация у всех была разная, но в итоге людей объединяла наша тошнотворная солидарность. Так называемая Средняя Америка устала от клички «сверхпроизводители», устала от того, что ее считают недостойной привилегий; бостонские аристократы желали иметь такие школы, где все ресурсы были бы сосредоточены на успехах их собственного конкретного ребенка (хотя даже «шампань-коммунисты» высказывали определенные опасения насчет перенаселенности крупных городов – но высказывали они это в своих изысканных салонах или в гостиных пентхаусов); педиатры были обеспокоены ростом аллергий, аутизма и все увеличивающимся списком разнообразных синдромов. В общем, все хотели какого-то нового решения для накопившейся груды проблем, все хотели чувствовать себя в безопасности, всем хотелось получить свой кусочек пирога, испеченного для человеческой расы в целом, ведь было понятно, что эта страна уже в следующем поколении увидит новый стремительный прирост населения.

Люди довольно быстро сообразили, что им следует «вскочить на подножку поезда благоразумия», как любит выражаться мой супруг. Разумеется, платой за это стали существенные изменения в сфере образования, но на эти уступки людям попросту пришлось пойти: ведь администрация всегда знает лучше родителей. Да и федеральное правительство последнее слово оставило за собой, особенно когда речь зашла о тестировании учащихся и распределении их по соответствующим учебным заведениям. Стало ясно: если будущие мамы и папы будут поголовно проходить пренатальные тесты, все может пройти относительно гладко.

Если же они этих тестов проходить не станут, то трехуровневая система школьного образования и так уже существует: лучшие, хорошие и посредственные.

И тут на экране вновь появилась Мадлен – как если бы я задала некий вопрос и она решила ответить лично мне.

– ...как я уже говорила, государственные школы существуют в нашей стране для тех молодых людей, которым необходимо – и они, безусловно, этого заслуживают – дополнительное внимание. Пожалуйста, не думайте, что мы отнимаем у вас детей, увозим их куда-то в дикие края. Будьте уверены: мы лишь даем им шанс на лучшее будущее. – И она отвесила аудитории свой знаменитый «классический» поклон. – Хотите, чтобы весной у вас расцвели цветы? Так дайте им самую лучшую землю, какую только можно купить за деньги. Вот, собственно, к чему стремятся наши государственные школы.

Я выключила телевизор, думая о бабушке, о ее неожиданной реакции, о ее стремительном отъезде и о том, каким *пустым* показалось мне ее прощальное объятие. А ведь она, возможно, права. Возможно, эти люди действительно и есть воплощенное Зло.

Но так или иначе они победили. Они так яростно вопили, так бурно голосовали, так активно требовали более жесткой антииммиграционной политики. Они отклонили предложенный закон об обязательном внимании к каждому ребенку без исключения, а также закон о необходимости обеспечить образование «людям с физическими недостатками». Не то чтобы эти политики-творцы были так уж жестоки и попросту не захотели поддержать больных и инва-

лидов. Нет, поддержать их они как раз хотели. Им только не хотелось, чтобы их дети учились с инвалидами и прочими «ущербными» в одном классе.

Но вот чего они тогда так и не поняли – зато я теперь понимаю отлично: можно избавиться от подпорченной рыбы, достав ее со дна бочки и выбросив, но это будет всего лишь означать, что вскоре там образуется новый слой гнилой рыбы, который придется снова извлекать со дна и выбрасывать. Так что когда до всех таких, как моя соседка Сара Грин, дошло, что происходит в нашем мире, трехуровневая система школ и сортировка детей по IQ стала незыблемым законом.

Вернувшись к действительности, я вновь подошла к окну и стала смотреть, как зеленый автобус Фредди уплывает вдаль, растворяясь в пелене дождя, и меня по-прежнему преследовал вопрос: могла ли я десять лет назад поступить иначе, если бы понимала то, что так хорошо понимаю сейчас?

Глава пятая

ТОГДА:

Я ждала Фредди и пребывала где-то на пятом месяце беременности, когда только-только начинаешь чувствовать довольно неприятные сердитые толчки, если пытаешься как следует застегнуть джинсы. Но у меня, слава богу, прошла утренняя тошнота, из-за которой я не могла есть практически ничего, кроме подсушенных тостов; один только запах любой другой еды вызывал у меня желание немедленно броситься в ближайший туалет. Но, несмотря на все эти сложности, между нами, мной и Малколмом, вот-вот должна была состояться этакая задушевная супружеская беседа. В очередной раз на одну и ту же тему.

– Ты же все знаешь, мы с тобой уже это обсуждали, – начал Малколм, когда я вернулась в гостиную, запихнув наконец Энн в кровать. Теперь мы могли совершенно свободно поговорить наедине, как супружеская пара, как партнеры по жизни, хотя я уже довольно давно ничьим «партнером по жизни» себя не чувствовала. – Эл, ты меня слышишь?

– Слышу, – сказала я.

– Ну и? Когда ты собираешься это сделать?

Это.

Вот то единственное слово, что покрывает все разновидности греха – от обжиманий на заднем ряду кинотеатра после школьных танцев до умерщвления своей собаки, когда она становится слишком старой и больной и требует слишком много ухода. Этим же словом, кстати, обозначается и извлечение зародыша из женского чрева. Секс, эвтаназия, аборт, убийство – все чрезвычайно удобно собрано под просторным зонтом понятия «это».

Наш разговор лениво сворачивал то в одну сторону, то в другую, возвращался к исходной точке, замыкая круг, и начинался снова. Час спустя Малколм, оставшись, так сказать, на исходной позиции, ничего толком не сказал и лишь без конца повторял, что мы с ним «не раз все обсуждали», что это «чистый эгоизм» – рожать ребенка, а потом смотреть, как он страдает, мучительно стремясь подняться на такой уровень, которого ему, возможно, никогда не достигнуть. Он рисовал мне картины будущего нашей еще не родившейся дочери, напоминал о бесконечных Q-тестах, о трудностях с поступлением в колледж, о том, что девочка с коэффициентом ниже среднего никому не будет нужна.

– Все закончится тем, что она даже замуж выйти не сможет, – заявил Малколм. – Или получит муженька вроде того типа, что в школе все за тобой таскался. Джек какой-то, по моему.

– Джо, – поправила я. – И ты прекрасно знаешь, как его звали. И он был действительно хорошим парнем, что тебе тоже известно.

– Мало быть просто хорошим парнем; теперь это больше не котируется, Эл. Теперь имеет значение только показатель Коэффициента. И ты прекрасно это знаешь.

Да, я прекрасно это знала, но мне вовсе не хотелось ничего этого знать. Мне не хотелось думать о Джо или о том, что случилось потом. Не хотелось думать о каких-то новых тестах, о каких-то новых Коэффициентах, о том, что все это, возможно, придется делать снова и снова.

Малколм поднялся из-за стола, собрал грязные тарелки и прихватил их с собой на кухню. Разговор был окончен, и я занялась длинным списком учреждений, предлагавших беременным женщинам самые различные услуги; списки таких учреждений были напечатаны на обложках книг, посвященных различным IQ-тестам, а Малколм, мой «партнер по жизни», повернувшись ко мне спиной, тщательно перемывал обеденные тарелки.

Больше никаких задушевных бесед не было. На следующее утро у меня была назначена встреча с врачом в одной из пренатальных клиник Института геники. Это было задолго до того, как этот институт выдвинул лозунг «За здоровую женщину!», задолго до того, как Петра

Пеллер сумела поднять свою безумную идею на новый уровень. В приемной клиники вдоль стен, окрашенных в зеленовато-желтые тона, символизирующие, видимо, лес и солнечный свет, сидела примерно дюжина женщин. На стенах висели постеры с изображениями идеальных семей – идеальные волосы, идеально белые зубы, идеальная кожа. Но ни одной фотографии младенцев там не было; на постерах были только подростки; отсутствовала также обычная для гинекологических приемных реклама смесей или памперсов, которые можно получить по акции.

Все здесь – от постеров на стенах до брошюр на столиках – было нацелено на тех женщин, которые никогда не окажутся в родильной палате.

И разговоры, разговоры!

– Если мне скажут, что его Коэффициент на одну сотую ниже девяти с половиной, я от него немедленно избавлюсь, – заявила бледная женщина, скрывавшая свою бледность под слоем тонального крема. – В точности как и в прошлый раз.

– Слава богу, теперь это так быстро, – подхватила ее соседка, которой вряд ли было больше двадцати. – Вот было бы здорово, если б и маникюр делали так же быстро, правда? – И обе засмеялись.

Пока они обменивались номерами телефонов и электронными адресами, настаивая на том, что их шустрые пятилетние детишки *непременно должны* в один из ближайших дней встретиться и поиграть вместе, дверь за стойкой администратора настежь распахнулась, и оттуда вышла женщина, прижимая какой-то конверт к округлившемуся животу и пышной груди. Ее вьющиеся волосы уже начинали седеть на висках, а уголки губ украшали тонкие лучики морщинок. Сорок с хвостиком, подумала я. А может, и больше. Миссис Идеальный Грим и Миссис Маникюр так и уставились на нее; они осмотрели ее с головы до ног и еще долго провожали ее взглядами, пока она торопливо пересекала приемную, вестибюль и выходила на улицу.

– Господи, и о чем только она думала?! – возмутилась Миссис Идеальный Грим. – В ее-то возрасте!

– После тридцати пяти я бы даже и пытаться не стала, – тут же подхватила Миссис Маникюр. – Ни в коем случае!

– Теперь, говорят, и в тридцать уже слишком поздно. Я на днях читала одну статью, так там...

– Да-да, я тоже эту статью видела. Для меня, пожалуй, слишком наукообразно, хотя суть ясна.

Я, разумеется, тоже эту статью прочла – просто Малколм с вечера оставил у меня на подушке журнал, открытый на нужной странице. Тонкий намек. Да и время он выбрал удобное, особенно если учесть, что у нас только что состоялась очередная «задушевная супружеская беседа» на тему того, что IQ новорожденного падает в геометрической прогрессии по мере увеличения возраста матери.

Обе болтушки внезапно примолкли и принялись внимательно рассматривать меня, сидевшую у противоположной стены. Затем они обменялись понимающими взглядами и дружно поджали губы. Я прямо-таки слышала их мысли: *Не повезло ей. Просто чудо, если она его сохранит. Все равно ей всучат этот конверт, ведь ей явно больше тридцати пяти. А там, глядишь, и другие проблемы возникнут. Не стоит даже упоминать некое страшное слово на букву «с»*. Собственно, лишь немногие показатели тестов для беременных превосходили по своей значимости низкий уровень IQ, хотя трисомия⁵ все же стояла в верхней строчке возможных осложнений при поздней беременности. И в частности, синдром Дауна.

---

⁵ Одна из форм патологии человеческого генома; синдром лишней хромосомы.

Когда администратор выкликнула меня, случилось нечто непредвиденное. Мой малыш, мой будущий родной человечек, которому я уже имя придумала, которого уже любила, которому уже пела перед сном старые колыбельные песенки, которым научила меня моя бабушка, вдруг завозился где-то в глубинах моего распухшего тела, и я подумала: *Да хрен с ней, с природой! Грудное вскармливание лучше всего на свете!* А я, черт побери, прекрасно знала, что могу еще и донором для чужих детишек быть.

В общем, я встала и вышла из клиники тем же путем, каким туда и вошла, имея полные восемнадцать недель беременности, но никакого конверта с магическим числом внутри; зато я могла больше не спешить с принятием того решения, которое в итоге стало бы, скорее, решением Малколма, а не моим собственным. Затем я два часа просидела у компьютера, рассматривая результаты различных пренатальных обследований на IQ, и в итоге вполне успешно подделала одно, намереваясь в ближайшее же время представить эту «справку» своему мужу. Я решила изобразить цифру 9,3, написав ее крупно и непременно серебристыми чернилами. Хорошее число. Просто замечательное. И я чувствовала, что впервые в жизни сделала по-настоящему правильный выбор после целой серии неправильных шагов и поступков.

Глава шестая

Я была уже на нашей подъездной дорожке, дольше чем нужно провозившись с дворниками «Акуры» и проклиная ту противотуманную жидкость, которую пару месяцев назад мне залили в «брызговики», когда подал сигнал желтый автобус. Это были совсем другие звуки, чем негромкое, но пронзительное верещание «фемботов» в серебристом и зеленом автобусах. Это был грубый гудок сродни тем, что способны потрясти тебя до глубины души, когда ты спокойно катишь по шоссе, подпевая одному из сорока лучших хитов, и вдруг на тебя как бы ниоткуда обрушивается трубный глас какого-нибудь грузовика или трактора, полностью лишая способности ориентироваться. Вообще-то, как мне кажется, такие машины издают подобный сигнал без особой на то причины.

Просто желая поугадать.

Хотя у желтого автобуса причина погудеть явно была.

Миновав наш дом, он остановился, но не напротив дома Кэмпбеллов, а напротив того сине-белого особняка в колониальном стиле, в котором с родителями проживала Джудит Грин. Остановился и снова посигналил.

Я уже явно опаздывала, так что пришлось быстренько набрать номер школьной секретарши.

– Серебряная школа имени Давенпорта, – прошептала она. – Меня зовут Рита. Чем я могу вам помочь?

Я соврала ей что-то насчет севшего аккумулятора и спросила, не может ли она послать замену на мой утренний урок в биологическом классе.

– Ребята пока могли бы поработать над своими эссе по мутации хромосом, – сказала я и вдруг подумала о том, что в мое время студенты первого курса колледжа все еще учили наизусть фазы цикла Кребса⁶, а не разрабатывали самостоятельно вполне продвинутые генетические теории. – Я приеду, как только сумею завести автомобиль.

– Никаких проблем, доктор Фэрчайлд. Ваша новая группа показывает в этом семестре невероятно высокие результаты. – Я слышала, как она стучит по клавиатуре, выясняя, какова будет цена моего опоздания; затем последовала пауза – она, похоже, обдумывала, как бы это помягче напомнить мне об этом. – И ваш преподавательский Коэффициент по-прежнему на несколько десятых выше девятки! Я так вам сочувствую – погода просто отвратительная для всяких автомобильных поломок.

– Да уж, – согласилась я и благополучно завершила разговор. Затем я рукавом протерла запотевшее ветровое стекло, и тут входная дверь особняка Гринов на несколько дюймов открылась. Первой вышла мать Джудит, она так плотно обхватила себя руками, что они почти сомкнулись у нее за спиной. На ней был махровый халат – не слишком подходящая защита от дождя, – и она как-то странно двигала щеками, точно бурундук; мне показалось, что у нее просто зубы стучат от холода.

Вот только сегодня было не так уж и холодно. Да и дождь всего лишь моросил.

Затем на крыльце появилась Джудит, одетая в джинсы и ветровку, а не в свою обычную алую форму Гарварда с плиссированной юбочкой и блузкой цвета слоновой кости, как всегда свежеевыглаженной. Мать сунула ей в руки плоскую желтую карту и на несколько секунд скрылась в доме. Когда она снова появилась на крыльце, в руках у нее был один-единственный чемоданчик. Она поставила его и обеими руками обняла Джудит. При этом ее халат распахнулся и сполз с плеч, но Сара Грин, похоже, ничего не замечала.

И тут автобус снова посигналил.

---

⁶ Цикл трикарбоновых кислот; важнейшая циклическая последовательность метаболических реакций.

Мне хотелось поставить «Акуру» на тормоз, броситься к автобусу и крикнуть водителю: *Да дай же ты им еще пять гребаных минут, а? Всего пять коротких минуток!* Впрочем, ничего хорошего из этого, разумеется, не вышло бы – это все равно, как если бы я бросилась вдогонку за Ловцом Детей, умоляя его еще немного подождать. Так что я просто сидела в своей машине и совершенно мокрым рукавом плаща все вытирала и вытирала запотевающее ветровое стекло. Я была совершенно беспомощна.

Джудит первая разомкнула объятия, подхватила свой чемодан и пошла по выложенной кирпичом дорожке – это была та самая дорожка, по которой она ходила с тех пор, как они с Энн поступили в школу, та самая дорожка, вдоль которой Сара Грин всегда летом высаживала бегонии, а осенью – хризантемы. Джудит прижала свою желтую карточку к двери автобуса, и дверь-гармошка открылась. Несколько неясных фигур, маячивших за запотевшими окнами, свидетельствовали о том, что Джудит была не единственной, кого сегодня утром подобрал желтый автобус – но кто там был еще, я из-за пелены дождя рассмотреть, разумеется, не смогла. Только вряд ли сегодня в этом автобусе было много улыбок.

Когда автобус тронулся, я задним ходом выехала на нашу улицу и остановилась. Хотя уже давно наступило утро, наш квартал по-прежнему был окутан какой-то мглой, точно мертвенным холодным покрывалом, – но это, разумеется, из-за дождя. Мой телефон показывал без четверти восемь, то есть у меня пока было вполне достаточно времени, чтобы успеть в школу еще до окончания первой пары, пока мой Коэффициент не утратил еще парочку десятых.

Да и черт с ним, – решила я и двинулась в противоположную сторону, к дому Сары Грин, мимо пустой игровой площадки с идеальным резиновым покрытием из измельченных автомобильных покрышек, на которой не оставляли следы ни ребячьи кеды, ни «рибоки». Несмотря на ветер и дождь, качели оставались неподвижны, точно сломанный маятник, а тускло-серая краска на металлической горке оставалась все такой же свежей, казалось, ее никогда не полируют детские задницы. Я и впрямь, по-моему, ни разу не видела на этой игровой площадке хоть одного ребенка. На улице дети появлялись по утрам, когда за ними приходили автобусы, и после полудня, когда автобусы развозили их по домам. Затем дети спешили к себе и до ужина склонялись над учебниками. А поскольку почти все дети похожи на Энн и Фредди, то аппетит у них как у голодных солдат в армейской столовой. После ужина они обычно снова занимались, пока не приходило время ложиться спать. Из-за такого режима даже в летние месяцы большинство детей выглядели не просто бледными, а какими-то выцветшими.

Иногда мне кажется, будто даже само понятие «детство» куда-то исчезло.

Остановив машину напротив особняка Гринов, я увидела, что Сара Грин опустилась на колени, халат ее совсем распахнулся, демонстрируя всем тонкую ночную рубашку, а сама Сара выдергивает из земли желтые хризантемы, которые посадила всего несколько недель назад, глубоко погружая пальцы, чтобы уж точно вырвать растения с корнями. Хризантемы она разбрасывала в разные стороны, в волосах у нее застряли комки земли и обрывки растений, а на щеке виднелся грязный мазок – наверное, пыталась смахнуть с глаз слезы.

Я вылезла из машины и бросилась к ней.

– Сара, что происходит?

Она даже головы не подняла и в ответ пробормотала что-то невнятное, продолжая яростно зарываться в землю и выдергивать несчастные хризантемы; уже почти вся кирпичная дорожка была покрыта толстым слоем желтых лепестков, зеленых листьев и земли.

– Ненавижу этот гребаный желтый цвет! Ненавижу! – с трудом расслышала я.

А мне желтый цвет всегда нравился. Это цвет радости, счастья; не слишком спокойный и совсем не раздражающий. Он не бьет по глазам, как красный, который мне лично всегда напоминает либо об опасности, либо о боли, либо о зле. Я вспомнила светло-желтые, цвета сливочного масла, занавески, которые мы с Малколмом повесили в детской перед рождением Фредди, и золотистый цвет свежей соломы в конюшне на ферме – еще до того, как фермы

начали превращаться в «поселения городского типа», – и яркие пятна желтков в яичнице-глазунье ленивым воскресным утром...

Как это вдруг желтый цвет мог оказаться самым безобразным на свете?

Сара вдруг приостановила свою разрушительную деятельность и устала на меня.

– Но ведь она никак не могла съехать сразу до 7,9, верно, Эл? Это попросту невозможно. Она же у тебя в этом году занималась сразу двумя предметами – биологией и анатомией. И оба по продвинутой программе. Ты же знаешь, она отлично успевала, никогда не пропускала занятий, никогда не болела, она очень старалась.

Я лишь молча кивала. Джудит Грин действительно всегда была одной из лучших учениц с тех пор, как я ее знаю.

– Джуди – очень сильная девочка, она во многом превосходит нашу Энн, – сказала я. – А ведь и Энн очень хорошо учится. – Я не собиралась хвалить Энн; я всего лишь констатировала факты; вот только если Джудит потеряла больше двух очков, мне, наверное, следовало бы использовать прошедшее время.

Сара отреагировала неожиданно: она поднялась на ноги, запахнула халат и подпоясала его, не обращая внимания на перепачканные руки. Да ей, похоже, было совершенно безразлично, как она выглядит, хотя вид у нее был такой, словно она валялась в грязной луже. Ее голос, обычно такой мягкий, вкрадчивый, звучал резко, даже грубо.

– В таком случае как получилось, что ее Коэффициент снизился сразу на две единицы? Объясни мне, Эл! Скажи, ты что-нибудь знала заранее? Может, ты что-то от меня скрывала?

– Ну что ты, конечно же, нет! – Это была стопроцентная правда. Я провожу половину своего рабочего времени за составлением еженедельных отчетов, подготовкой к тестам, сведением воедино полученных результатов, а затем связываюсь с родителями тех детей, которые, как мы это называем, «оказались на грани» – собственно, «оказаться на грани» может любой ученик, у которого средний показатель во время практических тестов за неделю опустился ниже уровня А, или же тот, у кого IQ стал ниже 9,0. Я слышала, что учителя в зеленых школах вроде той, какую посещает Фредди, просто спать не могут из-за бесконечных подсчетов этих показателей. Одна десятая балла порой способна исковеркать человеку всю жизнь.

Учительница, которая преподает у Фредди геометрию, при нашей прошлой встрече весьма наглядно все это мне объяснила.

– Мы, по крайней мере, стараемся дать детям какой-то шанс, – сказала она, потирая усталые глаза. – И даже если впоследствии они этого шанса лишатся, у их родных все же будет время, чтобы как-то подготовиться к грядущим переменам и помочь ребенку с ними справиться. Они могут, например, провести последние выходные вместе и отправиться на пикник, или в последний раз съездить к бабушке с дедушкой, или покататься на роликах в парке «Шесть Флагов». В общем, заняться всеми теми ерундовыми делами, на которые в последние несколько лет и внимания не обращали. Чтобы к тому времени, как они узнают, что их Коэффициент упал ниже восьми и сегодня за ними приедет желтый автобус, у них уже был бы хоть какой-то приятный жизненный опыт. Воспоминания.

Но ведь так было не всегда.

Во время первой волны введения трехуровневой системы желтые школы ничем особенно не отличались от зеленых и серебряных школ. Конечно, они обычно находились вдали от крупных городов, да и оборудованы были похуже, в них не было специальных помещений для занятий изобразительным искусством, не было научных лабораторий, и там редко преподавали учителя, у которых после имени на визитной карточке стояло бы буквенное обозначение той или иной научной степени. И все-таки тогда дети после занятий каждый день возвращались домой.

Так было вплоть до прошлого месяца, когда Мадлен Синклер приняла решение переместить желтые школы еще дальше. Да и вообще изменить всю систему школьного образования.

– И это, безусловно, куда более разумно, – заявил мне Малколм во время очередной «супружеской беседы», когда обе наши дочери уже спали, а мы с ним сидели на диване, как примерные школьники, и между нами в качестве пограничного столба стояла миска с попкорном. Пульт от телевизора лежал у меня на коленях, и Малколм, протянув руку, взял его и прибавил громкость, чтобы послушать выступление Мадлен Синклер на очередной пресс-конференции.

– Ты что, и впрямь считаешь это хорошей идеей? – спросила я, набирая горсть попкорна. Это была «легкая версия» попкорна, без соли и без жира, именно такой попкорн больше всего нравился Малколму. Сама-то я больше любила обычный, с маслом и с солью, но тут уж приходилось решать – уступить в подобных мелочах или нет.

– Ну разумеется, Эл! Ты хоть представляешь себе, до чего эти желтые школы переполнены? Впрочем, там и учителей тоже не хватает.

– Но они переполнены только потому, что уровень общего тестирования стал невероятно высок, трудно получить приемлемый балл, – сказала я. Я тогда никак не могла понять, что происходит: то ли тесты стали сложнее, то ли что-то еще, но я в своей серебряной школе вдруг стала терять учеников чуть ли не каждые несколько месяцев. И то же самое я слышала от своих коллег из других школ.

Мадлен, одетая, как всегда, в костюм цвета «электрик», сделала паузу, прежде чем ответить на следующий вопрос, предложенный телеведущим.

– Дело в том, – сказала она, улыбаясь журналистской аудитории, – что мы столкнулись с переполненностью наших учебных институций третьего уровня.

Институция. Какое мерзкое слово, подумала я.

А Мадлен продолжала своим гладким вкрадчивым голосом хорошего преподавателя, но теперь уже значительно громче, поскольку Малколм опять нажал на кнопку пульта:

– Кроме того, наблюдается отток населения из сельскохозяйственных районов. – Мадлен тряхнула своим светлым «бобом». – Нет. Даже не так: у нас в городах *попросту не хватает места*. – Она подняла руку и медленно опустила ее ладонью вниз, как бы приглушив попытки аудитории прервать ее, задавая свои вопросы. – Наши крупные города безумно страдают от перенаселенности. Даже пригороды забиты битком. Однако, – и тут на ее лице расцвела улыбка, – у всего есть своя светлая сторона. И мы пришли к спасительному решению.

Один из молодых журналистов не выдержал. Он вскочил и спросил, каков же выход из этой ситуации.

– Фермерство, конечно, – ответил ему Малколм, сидя рядом со мной и кивая головой.

– Наше сельское хозяйство и, в частности, возвращение к фермерству, – ответила Мадлен.

Малколм сунул в рот еще пригоршню попкорна и с удовольствием заметил:

– Вообще-то это была моя идея.

Я посмотрела на него.

– И в чем же она заключалась, твоя идея?

Он махнул на меня рукой.

– Слушай. Мадлен сейчас все объяснит.

Теперь собой заполнила экран некая ближайшая помощница министра Синклер.

– Мы решили, что, если мы хотим и дальше успешно двигаться вперед, нам прежде всего нужно обеспечить нашим детям – всем нашим детям – достаточно места для роста и развития, – проверещала помощница.

Я вполуха слушала, как она разъясняет нам, непонятливым, что отныне у обновленных желтых школ будет куда больше жизненного пространства, больше удобств, больше возможностей для физической активности, больше учителей – в общем, жизнь там станет просто ска-

зочной. Согласно планам Мадлен Синклер это будут прямо-таки лагеря отдыха, а не общеобразовательные школы.

Единственный их недостаток – то, что находиться они будут вдали от густонаселенных районов, и соответственно дети будут разлучены со своими семьями.

– Ничего, семьи как-нибудь приспособятся, – сказала Мадлен и стала выбирать следующий вопрос.

Я переставила миску с попкорном на стол и встала, загородив собой экран телевизора.

– Они что же, переводят детей в удаленные интернаты? – напрямик спросила я, глядя Малколму в глаза. – Куда? В Айову?

Малколм несколько растерялся.

– Ну, в общем, да. И в некоторые другие места на периферии. Туда, где достаточно свободного места. Воспринимай это просто как расширение школьных территорий. Или как возвращение к системе закрытых интернатов в чудесных уголках природы. Ведь это прекрасно – убрать школьников из перенаселенных городов, чтобы они жили и учились на природе. На свежем воздухе. Да они же просто расцветут!

– По-моему, это куда больше похоже на сужение школьных территорий, – довольно язвительным тоном заметила я. – Тут ведь как: все зависит от стоимости земли – дешевая она или дорогая. Верно ведь? А ты еще гордишься, что это твоя идея!

В тот день я поспешила пораньше лечь спать и очень надеялась, что усну, прежде чем в спальню придет Малколм.

Глава седьмая

Я постаралась выбросить из головы всякие мысли о том разговоре с Малколмом, о пресс-конференции Мадлен и обо всем гнусном Министерстве образования и осознала, что все еще стою перед красивым домом Сары Грин. Только теперь там, где раньше была аккуратная кирпичная дорожка, все выглядело как после взрыва на шахте.

– Ты же говорила, что она отлично успевает по всем предметам! – кричала Сара. – Отлично! И в каждом отчете, который мы получали из школы, показатель ее IQ называли практически идеальным.

– Но ее IQ и в самом деле был почти идеален, – подтвердила я.

– А теперь, значит, перестал? По какой такой причине? Почему ее отправили в этот вонючий Канзас? – Сара вдруг истерически рассмеялась. Ох, невеселый это был смех. – В Канзас! В государственную школу, где весь год по минутам расписан! – В каждом ее слове звучала такая боль, что я даже не пыталась ее прервать. – Хотя, конечно, нам сказали, что раз в четверть мы можем ее навещать. Ты хоть представляешь, сколько освобождений на работе нам придется для этого взять? И сколько это будет стоить – четыре раза в год летать в Канзас? Хорошо еще, если удастся сэкономить за счет нерабочих дней. А иначе мы вскоре увидим, что и наши собственные Коэффициенты спикируют вниз, и если это произойдет, то и Коэффициент Джонатана сильно упадет, а он и так уже в зеленой школе. И ведь поехать-то к ней можно только на один день! Ты только представь себе, Елена: на один-единственный день! А ведь раньше из этих школ на Рождество детей по домам отправляли. И еще раз в два года на День благодарения. И еще летом.

– Ты же присутствовала на том собрании, когда это новое расписание было принято и одобрено? – сказала я, начиная сердиться.

И Сара, икнув, внезапно замолкла, отвернувшись от меня и побрела к дверям своего дома. Ее распущенные волосы мокрыми прядями свисали по спине, махровый халат промок насквозь, и она в нем была похожа на упавшую в речку кошку. Потом она вдруг резко обернулась и уставилась на меня тяжелым взглядом.

– Что ж, зато теперь вашей Энн будет куда легче войти в те два процента отличников в самой верхней строчке. Желаю удачи.

Ее слова били больно, точно пощечина, но это была ответная пощечина, *quid pro quo*, ведь и я только что нанесла ей столь же неприятный удар.

Я хорошо помнила, как были установлены эти перемены в расписании. Еще одна «супружеская беседа» на диване с Малколмом, еще одна пресс-конференция Мадлен Синклер – она появилась, как всегда, в ярко-синем костюме и с коротко стриженными светлыми волосами, – в ходе которой она со своей сахарной улыбкой на устах заставила всех слушателей почувствовать себя детсадовцами, которым, черт бы их побрал, приходится абсолютно все разжевывать, используя самые простые слова. Тогда, помнится, были здорово сокращены школьные каникулы – тоже одна из «гениальных» идей Малколма.

И очень многие родители, в том числе Сара и Дэвид Грин, эту идею горячо поддержали.

Всего лишь пять лет назад участие в трехуровневой системе школьного образования обязательным не было; во всяком случае, оно точно не было принудительным. А затем из Вашингтона поступили некие указания. Родителям посоветовали уделять больше внимания индивидуальным потребностям детей. Затем последовали еще советы, а также десяток указаний, составленных с поистине убийственным хладнокровием и математически расчетливо.

Родителям детей с показателем Коэффициента ниже 8,0 очень рекомендуется подумывать о желтых школах.

Обучение на высшем уровне, возможно, не соответствует интересам и устремлениям вашего отпрыска. Не заставляйте его!

Большая группа ученых, в которую входит более двух дюжин экспертов, единодушно пришла к выводу, что трехуровневый принцип школьного образования выгоден каждому из нас.

Разумеется, возникло противодействие. На собраниях РТА⁷ разъяренные родители угрожали перевести своих детей на домашнее обучение, особенно тех, что заканчивали седьмой класс, дабы в старших классах не подвергать их непрерывным и мучительным ежемесячным тестам. Образовалось даже нечто вроде партии сторонников домашнего обучения; такие родители обычно с шумом покидали собрания и сразу же забирали детей из школ; и это оппозиционное движение приобрело даже определенный размах.

Впрочем, лишь в некоторых городских кварталах. Не в нашем. Не там, где живут такие, как Сара Грин.

А затем собрания родителей и учителей были заменены заседаниями местных отделов народного образования. Советы, исходившие из министерства, превратились в директивы; в директивы включались и штрафы – например, за прогулы или за манкирование школьным обучением, – и налоги, маскирующиеся под штрафы. И каждое нарушение той или иной директивы тонкой струйкой капало на показатели Q-тестов детей. А требования к тем, кто был все-таки переведен на домашнее обучение, стали более жесткими, чем законы о хранении оружия и возможности его применения, и требования эти все время менялись. Незаполненная графа в любой анкете, тесте или прошении, а также неправильно введенный код неизменно означали красную надпись: *Отклонено! Рассмотрению не подлежит*. И далее следовала красная же подпись одного из инспекторов школ. Мне иногда хотелось знать: где они берут столько красных чернил?

А такие, как Сара Грин, шли иным путем: они устраивали довольно бурные кампании, выступая за иной способ давления – давление на родителей. В частности, они во множестве выпускали листовки со следующими призывами: *Не берите на работу этих людей! Это неблагонадежные родители!* Или: *Никаких преимуществ антиобщественным лицам!* Господи, да если вы пользуетесь поддержкой таких людей, как Сара Грин, то и законы принимать не нужно.

Я стояла под дождем, раскрыв зонт, и смотрела вслед Саре Грин. Она еле шла, плечи ее поникли под тяжестью горя, смущения, ненависти, но уже на пороге дома она опять обернулась и прошептала:

– И откуда только здесь взялись эти желтые автобусы? Им ведь не полагалось здесь появляться, да, Елена? Где угодно, только не в нашем районе!

И дверь ее дома с грохотом захлопнулась. Щелкнул замок, и я поняла, что мне уже ни к чему беспокоиться, подходить ближе, подниматься на крыльцо и стучать в запертую дверь; так что я вернулась к своей машине, в десятый раз проклиная отвратительно работающие брызговики, а заодно и всех тех, кто постарался, чтобы все это безобразие с отбором супердетей зашло так далеко.

Отъезжая, я в последний раз оглянулась на дом Гринов. Отчего-то я была уверена, что будущей весной здесь не будет посажено вообще никаких цветов.

А потом я вдруг подумала: *А может, Сара Грин это заслужила?*

---

⁷ *Parent-Teacher Association* – букв. Организация родителей и учителей, примерно то же самое, что родительский комитет в наших школах.

Глава восьмая

Никто не спрашивает, что случается с теми детьми, которые проваливаются в трещины, образовавшиеся в трехуровневой системе, – для этого нет причин. Выпускники желтых школ устраиваются работать в местные супермаркеты или в магазинчики, торгующие одеждой и бижутерией, в тех немногочисленных моллах из кирпича и бетона, что пока еще существуют. Или же они трудятся в магазинах «7–11», или продают бургеры в «Макдоналдсе», поскольку в последнее время опять сильно урезали иммиграционные квоты. Они делают всю ту работу, которая не по душе выпускникам колледжей, но которую все же необходимо делать.

Скажем прямо: Сара Грин – типичная снобка. Точно такая же, как представители семейств Каллахэн, Делакура и Моррис, которые живут на нашей улице. Все они как бы сами себя заключили в этакий пузырь привилегий; больше всего они любят противопоставлять местоимения «мы» и «они», «нас» и «их»; а их любимый припев – «только не в нашем квартале». Когда в такой семье заходит речь о выборе школы или иного учебного заведения, то это происходит в соответствии с формулой *«Я сама (сам) выберу для тебя школу, потому что я лучше в таких вещах разбираюсь»*. Им нет дела, что какой-то городской парнишка, одноклассник их детей, внезапно «слетел» до уровня ремесленного училища, что показавший блестящие результаты мальчик из сельскохозяйственного района Небраски почему-то «не сумел» пройти по конкурсу в университет своего штата. Подобные неприятности всегда случаются только *с ними*, но никогда *с нами*. Если бы я не жила под одной крышей с Малколмом, если бы не делила с ним стол и постель, если бы меня не снедала постоянная тревога за Фредди, я, пожалуй, вряд ли знала бы, что такие вещи возможны. В конце концов, многие ли смотрят по телевизору выступления министра образования Мадлен Синклер? Даже выступления президента и то едва собирают процентов пятнадцать зрителей, хотя уж из этих-то выступлений делают поистине крупные шоу. А наша королева Мадлен, на мой взгляд, и вовсе имеет аудиторию, близкую к нулю.

Я проехала вдоль парка, пересекла мост и оказалась в центре города, неотвязно думая о том, сколько еще времени мы все будем играть в эту опасную игру. Неужели до тех пор, пока все фигуры не переместятся с *их* доски на *нашу*? Как это, например, произошло сегодня утром, когда дочка Сары Грин, идеальная во всех отношениях девочка, тоже почти ставшая королевой, в мгновение ока была превращена в обыкновенную пешку.

Я по-прежнему опаздывала, так что, въехав на государственную парковку в Джорджтауне, попросту поднесла свой телефон к счетчику и уплатила за пятнадцать минут. *Клинг!* Готово. Где-то в радиоволнах у меня над головой или в кабелях у меня под ногами пятьдесят центов переместились с банковского счета в одном штате на другой счет в другом штате. Не требовалось даже монетки доставать из кармана.

В знакомом «Старбаксе» меня уже ждал мой латте, заказанный по мобильному телефону. Разумеется, наполовину декаф. Двухпроцентное молоко, легкая пенка, одна ложка сахара. Гранде, что бы это выражение ни значило. Я забрала свой кофе, и робот-бариста прочирикал: *Добрый день, Елена! Надеюсь, ваш напиток будет вкусным! Завтра утром снова увидимся*. Иногда робот-бариста бывает «он», а иногда «она». Их создатели очень любят смешивать подобные вещи.

Я заметила у окна какую-то девушку, которая, подобрав под себя ноги, сидела на одном из глубоких диванов с множеством подушек и читала. Она была совсем юная, похожая на ученицу последнего класса школы, однако читать она устроилась именно здесь, в «Старбаксе», и отнюдь не казалась ни наказанной школьницей, ни бессовестной прогульщицей. На столе перед ней страницами вниз лежал раскрытый справочник по устройству на работу, такая библия для тех, кто только начинает строить карьеру; подобные справочники якобы способны растолковать

человеку, кем ему быть, когда он вырастет; рядом со справочником высилась целая стопка буклетов различных колледжей, а также сборник пробных тестов для поступающих в высшие учебные заведения; гора буклетов была увенчана кофейной чашкой, отчасти скрывавшей от меня лицо девушки. Но я успела заметить, что глаза у нее ясные; такие глаза бывают у самых лучших моих учеников; и все же я сразу поняла, что шансов выиграть эту игру – поступить в колледж – у этой ясноглазой девушки нет.

В качестве закладки она использовала желтую ID-карту – а мне было прекрасно известно, что за последние несколько лет ни один колледж не принял ни одного выпускника школы третьего уровня. Если, конечно, верить «отчетам» Малколма, которые он обычно преподносит нам за обедом.

– Добрый день, – приветливо поздоровалась она, заметив, что я устроилась рядом.

– Привет, детка.

– Не удивляйтесь. – Она мотнула головой в сторону учебников и справочников. – Я закончила школу два года назад и была первой в своем классе. Numero uno. Мне поручили произнести прощальную речь на выпускном вечере и все такое. Ну, это, понятное дело, была не самая лучшая школа. Ребята из нашего района не учатся в самых лучших школах. Но все-таки. Я считала, что первое место в классе что-то да значит.

Я понимала, что ужасно опаздываю. И все-таки осталась.

– Теперь в колледж поступить сложно, – осторожно заметила я.

Она закрыла свою «библию Бэррона» со списками самых разнообразных статистических данных – правил допуска, средних баллов за тесты, демографии, стоимости блюд в ближайших барах и закусочных, количества мест для занятий спортом и прочей подобной бредятины.

– А вы чем занимаетесь? – спросила она.

– Преподаю.

– Ой, правда? Где?

– В школе Давенпорта.

Девочка так уставилась на меня, словно хотела вобрать меня целиком вместе с моим дорогим костюмом, изящными туфлями и сумочкой из телячьей кожи, висевшей на плече.

– Да, выглядите подходяще. Как одна из них.

– Не понимаю. Что это значит?

Она засмеялась.

– Белая. Богатая. Практически безупречная. Спорить готова, что и IQ у вас сверхвысокий.

– Нормальный. – На самом деле IQ у меня 9,73. Но говорить ей об этом мне не хотелось.

– А я все-таки хочу еще разок попытаться – может, сумею поступить. А потом... я просто не знаю, что будет потом. Раньше я тут работала, – она обвела рукой помещение кафе приглашающим жестом хозяйки, – а несколько месяцев назад меня уволили. Но я по-прежнему тут болтаюсь. – И она снова мотнула головой в сторону стопки книг. – Понимаете, в нашем квартале чтение – занятие не слишком популярное.

Возникла пауза. Я все пыталась отыскать для этой девочки какие-то нужные слова, хотя понимала, что никаких таких слов у меня нет. Наконец я спросила:

– А чем бы ты хотела заниматься в колледже?

– Математикой, – сразу ответила она, закрывая книгу. – Я здорово в математике разбираюсь. Вот спросите меня что-нибудь, что угодно.

И тут у меня зазвонил телефон. Это была школьная секретарша Рита.

– Извини, давай в другой раз, хорошо? Сегодня я ужасно опаздываю.

Девочка недоверчиво посмотрела на чашку, которую я держала в руке.

– Ну да. Я понимаю.

– Извини, – повторила я, действительно чувствуя себя перед ней виноватой – причем во всех отношениях – и понимая, что она мне не верит. Затем быстро встала и вышла за дверь.

Снаружи автоматические уборщики всасывали листья, веточки и мусор, оставленный со вчерашнего вечера студентами колледжа на той стороне Висконсин-авеню. Два автомобиля, владельцы которых забыли о дне уборки улиц, были вынуждены купить проездные билеты. Билеты, разумеется, не бумажные, но в течение нескольких минут сотня долларов переместилась с банковского счета зеленого джипа и еще сотня со счета желтого «Мини-Купера», украшенного гоночными полосками. Монотонно загудела ограда парковки, когда я выехала на проезжую часть; обслуживающий автомат покатился дальше по Висконсин-авеню в поисках очередной жертвы.

Все эти автоматы заставили меня размышлять о том, куда денутся выпускники желтых школ в ближайшие несколько лет, когда последние продуктовые магазины перейдут на автоматическое обслуживание и маленький робот-доставщик фирмы «Амазон» будет гудеть у дверей домов, складывая заказанные свертки на крыльце. Щелчок, жужжание, шлепок. Видимо, это и есть прогресс, и, по-моему, такого прогресса в нашей жизни будет все больше. Как знать, возможно, я еще и пенсионного возраста достигнуть не успею, когда даже преподавание в школах будет автоматизировано.

– Самое главное – это честное соревнование, – вещал Малколм во время своих обеденных выступлений, обращаясь в первую очередь, разумеется, к Энн. – Последовательность такова: ты много работаешь, старательно учишься, делаешь успехи и в итоге получаешь хорошую работу.

Но ведь проблема совсем не в этом; даже младенцу ясно, что число рабочих мест уменьшается, а количество людей увеличивается. Уже свернув на знакомую подземную парковку и притормозив, чтобы очередной автомат смог просканировать данные на мою машину и радостным, но абсолютно нечеловеческим голосом поприветствовать меня: *Доброе утро, доктор Фэрчайлд*, я все еще думала о том, куда все-таки денутся ребята из желтых школ, которые в ближайшие десять лет станут выпускниками, и что наше государство будет делать со всеми этими людьми, которые ему больше не нужны.

Глава девятая

Школа, где я теперь работала, мало чем отличалась от той, где я училась почти четверть века назад. Те же классы, учителя, ученики и учебники. «Именно ученики, – думала я, раскладывая книги и листы посещаемости на своем рабочем столе и поднимая жалюзи, чтобы из окон была видна хоть какая-то зелень, – почти ничем не отличаются. Ни друг от друга, ни от тех, что были в мое время».

Тогда проблема аутизма так широко еще не ставилась, преобладал вопрос «*Что это еще за гребаный аутизм выдумали?*», в старшей школе в 90-х куда больше внимания уделялось таким вещам, как аллергия на арахис, непереносимость глютенa, право на отдельный туалет для транссексуалов и публичные признания подростков в гомосексуальности. Перемены происходили постепенно, по капле. И я заранее прикидывала, что к тому времени, как мои дочери станут подростками, все вокруг включится в танец социокультурного многообразия.

Но я ошиблась. Этот танец не ушел дальше медленного и довольно неуклюжего шарканья ногами. Когда мои ученики входили в класс для прохождения последней проверки перед очередными тестовыми испытаниями – это обычно именуется собеседованием, но каждому известно, что на самом деле это последнее «натаскивание», которому предшествует многочасовая зубрежка, – они все выглядели какими-то одинаковыми. Преимущественно белые, спортивные, гетеросексуальные. И я никогда не встречалась с такой вещью, как туалет, учитывающий интересы трансгендеров.

Дни прохождения тестов одновременно и суматошны, и странно растянуты. Сегодня с утра в школе царил суматоха. Я проводила последние собеседования, готовя учеников к прохождению очередных тестов на SOL. Эта аббревиатура, вообще-то, означает Standards of Learning⁸, но про себя я вот уже почти год всегда расшифровывала ее как Shit Out of Luck⁹.

Но вслух никогда, разумеется, этого не произносила. И уж тем более при Малколме.

Хотя это действительно попросту дерьмовое везение. Или, точнее, невезение. Во всяком случае, два месяца назад передо мной было тридцать измученных зубрежкой физиономий, а сегодня всего двадцать семь. Три пустые парты из класса пока так и не убрали, хотя в общей массе они не так уж и заметны. Никому нет дела до того, чтобы их вынести или хотя бы сдвинуть к задней стене класса. Хотя, возможно, это как раз и входило в планы начальства – оставить пустые парты в качестве назидания? Это те самые парты, за которыми сидели Джудит Грин и Сью Тайлер, а также тот бледный, как привидение, мальчик по имени Антонио, который чертовски хорошо разбирался в химии, а вот теория чисел ему никак не давалась. В общем, это то ли «морковка» для упрямого ослика, то ли «палка».

Скорее, «палка».

Хотя у многих преподавателей дела обстояли еще хуже. Нэнси Родригес, например, которая ведет курс продвинутого программирования, в прошлом месяце после Q-теста потеряла сразу двух учеников. А химический класс доктора Чен, насколько я слышала, уменьшился с двух дюжин до полутора десятков человек. Впрочем, разговоры в учительской на эту тему всегда велись шепотом. *Хорошо бы ребяташки Нэнси успешно сдали лабораторку, иначе она и глазом моргнуть не успеет, как будет в зеленой школе преподавать. Чен прямо-таки волосы на себе рвет из-за стольких провалов.* В общем, примерно в таком духе. Но как только очередное испытание благополучно заканчивается, тревожные сплетни стихают и ученики продолжают двигаться дальше по дороге знаний.

---

⁸ Уровень образования (англ.).

⁹ Можно перевести как «дерьмовое везение».

Кстати сказать, преподавательский уровень в зеленых школах ничуть не ниже, чем в серебряных, – Фредди утверждает, что у них отличные учителя, даже если Малколм хмурится, узнав, что у преподавателя его дочери всего лишь магистерская степень, а не докторская. И потом, я же собственными глазами вижу, какие сложные домашние задания выполняет Фредди; она практически каждый день приносит домой тяжеленные стопки учебников в твердых переплетах, инструкции для четвертных научных проектов, аннотированные библиографические справочники – выполнение подобных заданий в мое время заставило бы студентов первых курсов колледжа дружно писать заявления об «академе». Короче, учат в зеленых школах достаточно хорошо, и время от времени некоторые ученики таких школ, получив на тестах наивысший балл, обретают в итоге заветную серебряную карту и переходят на первый уровень обучения, то есть в серебряную школу.

Но это случается крайне редко. По большей части для ребенка, попавшего в зеленую школу, есть только один путь: вниз.

Хотя, если верить словам Мадлен Синклер и ее компании, мы ни в коем случае не должны воспринимать это как путь вниз. И тут нам на помощь приходят такие эвфемизмы, как «полезный», «соответствующий», «правильно ориентированный».

Никто не упоминает о том, что это просто экономия денег.

Итак, сегодня я натаскивала учеников на знание законов Менделя, то есть основ генетики; я без конца жонглировала словами, заканчивавшимися на – *osis* и – *isis*, так что у детей глаза на лоб лезли, пока не обрела относительную уверенность, что материал они знают вдоль и поперек, и пока на мой вопрос «Кто готов к тесту?» не взлетело сразу два десятка рук. Мерседес Лопес, сидевшая в третьем ряду и каждые несколько минут нервно оглядывавшаяся на соседнюю опустевшую парту, подняла руку первой. Мерседес – моя единственная ученица-европейка. Остальные успели сбежать, пока это было возможно.

Мне и самой все время бросалась в глаза пустая парта Джуди Грин в первом ряду; из углубления слева были убраны карандаши, ручки и лазерная указка; с полочки под крышкой исчезли все книги. А ведь в прошлом месяце, когда я спросила, кто готов к тесту, рука Джуди поднялась первой.

И тем не менее ее Коэффициент внезапно упал более чем на две единицы, то есть достаточно низко, чтобы ее незамедлительно отправили в неизвестность на желтом автобусе.

Впрочем, не это не давало мне покоя. Не это с самого утра терзало мне душу. С того самого момента, когда я стояла под дождем и слушала злобные обвинения Сары в свой адрес и ее хлесткие предположения о том, что ей, конечно, *следовало бы раньше догадаться*, я все пыталась понять, как Джуди могла получить столь невероятную оценку. Ведь даже если она в одном конкретном тесте запуталась, пытаясь написать транскрипцию генетических кодов, или напрочь позабыла, чем внутренняя мускулатура отличается от внешней, это не могло *настолько* понизить ее общий Коэффициент; для такого результата абсолютно все ее тесты за этот учебный год должны были быть почти провальными. Однако она все это время была лучшей в классе.

Урок закончился, и мои ученики вереницей потянулись в коридор, а в класс тут же стала просачиваться новая группа – «продвинутые химики», ученики доктора Чен. Обычно они занимались в другом здании, на противоположной стороне улицы. Многие из этих ребят были очень похожи на Энн – такие же самоуверенные, даже, пожалуй, несколько высокомерные. Абсолютно не сомневающиеся, что успешно пройдут любой тест. Но некоторые все же вели себя по-другому – нервно шурились, словно пытаясь рассмотреть на внутренней стороне век запечатленную там периодическую систему элементов Менделеева. Одна девочка – Алиса, кажется, – нервно грызла ноготь и в итоге, похоже, обгрызла его «до мяса». Во всяком случае, когда она, наконец, вынула палец изо рта, на нем ярко-красным полумесяцем выступила кровь.

У меня сегодня была прокторская проверка, а это означает, что сама я не должна ничего объяснять ученикам и имею право лишь повторить вслух правила проведения теста, которые я и так знала наизусть.

У вас есть только один час.

Запрещается разговаривать с другими учениками.

Запрещается по какой бы то ни было причине выходить из класса.

Когда ваше время истечет, сразу же положите на парту все письменные принадлежности. Если вы этого не сделаете, ваш общий показатель будет автоматически уменьшен на десять десятых балла.

Когда-то я добавляла еще одно, дополнительное, правило: насчет шпаргалок. Но теперь даже упоминать об этом не требуется.

А ведь когда-то шпаргалки были своего рода искусством. Учителям были известны все уловки: пластинки жвачки с написанными на них химическими формулами, которые легко было растворить во рту и выплюнуть, если рядом с тобой пройдет учитель; исписанные чернилами ляжки, тщательно прикрытые широкими юбочками в складку, с перечислением, например, имен президентов и соответствующих дат; знаменитый «метод Инвизо», придуманный каким-то гениальным ребенком, который заключался в том, чтобы написать шпаргалку на верхнем листе бумаги для черновиков, нажимая как можно сильнее, чтобы написанное отпечаталось на следующем листке. Разумеется, в ходу были и обыкновенные шпаргалки, свернутые много раз и засунутые в гольфы. С помощью денег, сэкономленных на школьных завтраках, можно было купить ответы на те вопросы, что задавались на прошлогодних экзаменах; умельцы ухитрялись как-то перепрограммировать обычные калькуляторы, заставляя их решать даже самые смертоносные квадратные уравнения. В общем, каждый способ изготовления шпаргалки был изобретен кем-то если и не гениальным, то достаточно сообразительным.

Возможно, идея «честного соревнования», о которой вечно талдычит Малколм, не так уж и нова, а вот шпаргалками теперь действительно практически не пользуются. Во всяком случае, после того инцидента, что имел место несколько лет назад.

В деталях я не уверена, но слышала, конечно, всякие сплетни о том, как две женщины из компании «Достойная семья» добрый час «беседовали» за закрытыми дверями с ребенком, который припрятал микроскопические шпаргалки в колпачке авторучки. Нэнси Родригес говорила, что мальчишка даже укусил одну из этих женщин. А доктор Чен уверяла меня, что собственными ушами слышала плач, доносившийся из-за дверей. Но вот что я знала очень хорошо, хотя предпочла бы этого не знать или напрочь позабыть: еще до того, как родители пойманного со шпаргалкой парнишки успели через весь город добраться до школы, его IQ уже оказался пересчитан, и машина выплюнула плоскую желтую карточку.

Больше мы этого мальчика не видели. И, разумеется, больше никаких попыток списать или использовать шпаргалку не было.

Ученики один за другим рассаживались по местам. Я раздала им девственно-чистые листы разлинованной бумаги и положила на каждую парту новенькие карандаш и ручку. Затем я произнесла все необходимые слова и принялась медленно маршировать взад-вперед по проходам. Я ненавижу эту часть урока – она напоминает мне мучительные походы в музей, усталое шарканье ног, попытки перенести вес тела то на одну ногу, то на другую, тупое разглядывание узора на полу. До конца дня мне нужно было провести еще четыре такие контрольные работы, и я знала, что, когда я окажусь дома, мои лодыжки совершенно распухнут.

Зато я знала: когда я окажусь дома, то сразу выясню, как прошел день у Фредди. Хотя, если честно, я не так уж торопилась это выяснить.

Глава десятая

Обед прошел просто ужасно.

В дни тестов мы всегда заказывали еду в китайском ресторане, потому что даже мысль о том, чтобы подойти к плите, вскипятить кастрюльку воды и сварить спагетти, вызывала у меня судороги. Так что наш обеденный стол был уставлен всевозможными белыми коробочками. Рис, баклажаны со специями, еще рис, цыпленок, снова рис, роллы с яйцом, нечто под названием «Радость счастливой семьи», снова рис и так далее. Когда Малколм в третий раз упомянул сломанную «лилию мира», единственное, что Фредди произнесла в ответ, это «передай мне соевый соус, пожалуйста».

– Ну, – Малколм явно решил сменить пластинку, – как у нас дела в школе? – Он положил себе на тарелку еще порцию знаменитого цыпленка «генерал Цо», а то, что осталось в коробке, поставил между собой и Энн, хотя именно в этот момент Фредди тоже попыталась взять кусочек цыпленка. – О, извини, ты тоже хочешь еще?

Фредди, сраженная подобным пренебрежением, лишь молча посмотрела на меня. В такие вечера все выглядит так, будто у Малколма только один ребенок.

Энн на минутку приостановила просмотр тех пяти тестов, которые она уже прошла сегодня днем, и решительно переставила коробку с цыпленком поближе к сестре. Это был всего лишь крошечный акт неповиновения, но сердце у меня все равно радостно екнуло.

– Давай, Фредди. Накладывай первая, да как следует, – бодро посоветовала Энн. Фредди тут же оттаяла и осторожно обратилась к отцу:

– Пап, мне к следующей неделе нужно подготовить проект на тему «Государственное управление»...

Малколм молчал до тех пор, пока я не пнула его под столом ногой. Только тогда он изрек:

– Помощь нужна?

– Возможно. Просто чтоб мозги встряхнуть. Нам нужно изобрести некий особый вариант социальной системы...

Словно мы его уже не изобрели! – с горечью подумала я.

– Можно поконкретней? – холодно попросил Малколм. Если бы Энн так же мямлила, как Фредди, то удостоилась бы от отца всего лишь насмешливой улыбки.

Проигнорировав замечание мужа, я ласково подбодрила младшую дочку:

– Продолжай, милая.

Но Фредди уже умолкла и продолжать явно не собиралась. И тут ей на помощь пришла Энн:

– У меня точно такой же проект. Он касается всяких там социальных институтов. Ну, например, нужно попытаться разрешить жилищный вопрос, размещая людей в соответствии с их показателями Коэффициента. Все это, кстати, спонсирует компания «Достойная семья», и за лучший проект полагается приз. – Энн лукаво усмехнулась. – На самом деле в этом году обещаны два приза. Победительница получит еще и возможность стажироваться в штабе этой компании, причем в своем родном штате.

– А если победит мальчик? – спросила я, насмешливо приподняв одну бровь. Похоже, Энн даже в голову не приходило, что она может не стать победительницей.

– Тогда, значит, он будет стажироваться в своем родном штате. Только пусть сперва победит! – И Энн вызывающе мне подмигнула.

– Вот это моя дочь! Конечно же, ты победишь. Ты у нас лучше всех! – восхитился Малколм.

А Фредди еще ниже опустила плечи и словно *уменьшилась* сразу на несколько дюймов.

Я снова пнула Малколма под столом, и на этот раз гораздо сильнее, так что он резко обернулся ко мне, и на лице его было написано: «А в чем, собственно, дело?» Господи, до чего же он забывчив! А может, это вовсе и не забывчивость? Может, ему действительно наплевать на то, что Энн получает девяносто процентов его внимания, а Фредди молчит, уставившись в свою тарелку, и с помощью китайских палочек выкладывает из рисинок некий сложный абстрактный узор? Вот только что она предприняла некую робкую попытку завладеть вниманием отца и, как всегда, получила свое «помолчи минутку, детка, я с Энн разговариваю». Разумеется, она тут же сдалась.

– Малколм, – не выдержала я, – может быть, теперь Фредди расскажет нам, как у нее прошел день?

Фредди еще больше побледнела, помотала головой и еще более сосредоточенно принялась выкладывать на тарелке бесконечные мандалы из риса. Малколм с благодарностью посмотрел на меня и весьма благодушно заявил, протягивая Энн очередной ролл с яйцом:

– Спорить готов, день у нашей Фредди прошел прекрасно. Если она хотя бы отчасти вырастет похожей на свою старшую сестру, то у нее и дальше все будет отлично. – На самом деле он просто *что-то* сказал о Фредди, а не *поговорил с ней*, и мне пришлось пнуть его под столом в третий раз. На этот раз он все-таки обратился к девочке: – Верно, Фредерика?

Малколму никогда не нравилось уменьшительное имя Фредди, и он каждый раз, обращаясь к ней, это подчеркивал.

– Да, папочка, конечно, – откликнулась Фредди механическим голосом будильника. И почти сразу спросила: – Мам, извини, можно мне выйти из-за стола? – А потом, не дожидаясь ответа, оттолкнула свой стул и буквально бросилась по коридору в свою комнату. Нет, пожалуй, не бросилась, это слово тут не подходило: она выкатилась или выскользнула в коридор. Во всяком случае, ее движения были куда более сложными и выразительными. Мне показалось, что так могло бы вести себя маленькое и осторожное ночное животное.

Энн тут же встала и вышла следом за ней, сказав отцу:

– Я сейчас вернусь, пап.

Когда мне показалось, что Энн уже достаточно далеко и не может меня слышать, я, качая головой, укоризненно посмотрела на мужа.

– Можно подумать, шестнадцать лет назад именно с тобой была связана пуповиной наша старшая дочь! Впрочем, неважно. Я хотела тебе сообщить, что сегодня на нашу улицу приезжал желтый автобус. – Я старалась говорить спокойно, одновременно очищая от обертки яичный ролл.

– Хм...

– Только и всего? И ты не видишь в этом ничего особенного?

Он пожал плечами.

– Я ведь, кажется, тебе уже говорил, что у нас возникли некоторые изменения в графике. Оповещение соответствующим школам было разослано несколько недель назад. – Он взял у меня из рук ролл с яйцом. – Тебе ведь наверняка не стоит есть еще один ролл, Эл. Это же сплошной холестерин.

Больше всего мне хотелось рявкнуть: *Убери свои грязные лапы от моего гребаного ролла!* Но я, разумеется, сдержалась и продолжила задавать интересующие меня вопросы.

– Неужели тебе безразлично, кого этот автобус забрал?

– Ну и кого?

– Джуди Грин, нашу соседку.

Я заметила, что глаза Малколма слегка расширились от удивления, но в целом выражение его лица осталось неизменным.

– Малк, ты же хорошо знаешь Джуди! Они с Энн с пяти лет лучшие подруги.

– Да, верно, – признался он. – Пожалуй, я эту девочку помню.

Ну, погоди! Я отняла у него свой ролл и, забыв снять с него промасленную оболочку, злобно куснула, желая показать, что на дерьмовые замечания Малколма насчет избытка холестерина мне плевать.

– Значит, ты, *пожалуй*, ее помнишь? Ради бога, Малколм, перестань притворяться! Джуди только в прошлые выходные у нас ночевала. Они то и дело с Энн друг у друга ночуют. А в воскресенье утром мы пекли оладьи с шоколадной крошкой, и после завтрака девочки попросили тебя помочь им с домашним заданием. Или, может, ты, черт побери, и этого не *помнишь*?

Я и не заметила, как вернулась Энн, которая тут же спросила:

– А что нужно помнить?

– Как ты выражаешься, Эл! Последи за речью, – покосился в мою сторону Малколм.

– Нечего делать мне замечания, я не твоя... секретарша! – Теперь я уже окончательно разозлилась. Я давно уже не была так зла, как сейчас, но все же заставила себя умолкнуть и сделать несколько глубоких вдохов, как рекомендует йога, прежде чем заговорить снова, но до конца сдержаться все же не смогла: – Джуди никак не могла провалить тест за прошлый месяц! Никак не могла!

– Секундочку, – вмешалась Энн. – Неужели Джуди провалилась? Но это же просто невозможно! Джуди в нашем классе – натуральная гребаная звезда. Ой, извини, мам! Я хотела сказать, рок-звезда. – Малколм словно ничего не заметил: ни слова досады или упрека. – Короче, мам: провалить тест Джуди никак не могла! – И Энн выбежала из комнаты, ее пальцы в бешеном темпе скользили по экрану айфона.

Когда мы снова остались одни, я, гневно глянув на Малколма, рывкнула:

– Я же тебе говорила, черт побери!

И что же он мне ответил? Ничего. Пожал плечами. Да-да, именно пожал плечами и палочками аккуратно отщипнул кусочек баклажана.

А ведь когда-то я любила мужчину, который сидел сейчас напротив меня. Я полюбила его за ум и обширные знания, за его отношение ко мне – «*Я всегда, всегда буду заботиться о тебе, моя дорогая*». И долгое время я по собственной воле смотрела на него снизу вверх. Чтобы заполучить его, мне пришлось отказаться от кое-чего очень для меня важного. От чего-то такого, о чем я до сих пор жалею и хотела бы вернуть.

И вот сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как глупо я тогда поступила и в какое дерьмо в итоге вляпалась.

Глава одиннадцатая

ТОГДА:

Это была последняя суббота сентября, и я в своей квартирке-студии в Йеле, покончив с занятиями, готовилась приятно провести уик-энд. Новая Англия, как всегда осенью, уже начинала хорошеть, покрытая пестрым покрывалом разноцветных листьев; я собиралась взять машину и на все выходные уехать из этого проклятого Нью-Хэвена куда-нибудь на север. Но я точно никак не планировала, проснувшись в субботу утром, чуть ли не час торчать в полном оцепенении посреди крошечной ванной, отделанной дешевой кафельной плиткой, как в придорожном мотеле.

Однако и через час, когда я уже успела сбегать в ближайший «Райт Эйд», я по-прежнему торчала в ванной и, сидя на ледяном фарфоровом унитазе, с тупым упрямством трясла тестом на беременность, словно надеясь сбить одну из двух синих черточек, что так некстати возникли в крошечном окошечке, и тем самым превратить плюс в минус, а возможного ребенка – в ничто.

В начале лета я рассталась с Малколмом – отчасти потому, что моя мать убедила меня, что временное расставание может оказаться весьма полезным для укрепления отношений, но главным образом из-за того, что мне не хотелось, чтобы мой первый бойфренд оказался моим единственным бойфрендом в жизни. Ну и, конечно, отчасти из-за Джо.

С Джо мы вместе росли, вместе играли на улице в кикбол, вместе пекли пирожки из земли в канаве за домом моих родителей. Джо был нормальным парнем, если не считать его совершенно фанатичной увлеченности всем, что имеет двигатель внутреннего сгорания. Как только мы получили автомобильные права, он принялся восстанавливать старый «Мустанг» – жуткую развалину, которую спас со свалки мистера Купера. И к семнадцати годам у него была самая классная машина в нашем городе. Но также у него был самый низкий показатель успеваемости среди старшеклассников, а уж по результатам стандартных аттестационных тестов его, наверное, даже дикобраз обогнал бы.

На самом деле Джо и не стремился стать студентом колледжа, но парнем он был очень хорошим; он приглашал меня в кино, клянясь, что это ни в коем случае не свидание, и покупал мне огромные ведра моего любимого соленого попкорна, а на экране мелькал какой-то негодяй с бритвами вместо ногтей, вызывавший вопли ужаса у подростков. Правда, меня в шестнадцать лет куда больше интересовали музеи, чем подобные кинофильмы, но я все равно позволяла Джо уговорить меня и шла с ним вечером в пятницу на какой-нибудь «классный старый» фильм десятилетней давности, и Джо в очередной раз клялся, что Это-Никакое-Не-Свидание. И все же однажды попытался превратить поход в кино в настоящее свидание. Один раз он даже содрогнулся от отвращения, глядя, как Фредди Крюгер исполняет свой смертоносный танец, проникая в сны ничего не подозревающих подростков с Улицы Вязов, и я догадалась, что и ему тоже не нравятся ни герой фильма, ни сам фильм. Зато я поняла, почему он выбрал именно Фредди Крюгера.

В общем, мы сидели, прижавшись к спинкам кресел и друг к другу плечами, всласть хихикали над особенно абсурдными эпизодами и дружно ахали, когда на экране появлялось что-то и впрямь ужасное.

На следующий день я рассказала Малколму об этом фильме, сознательно умолчав о самом главном: о наших новых, несколько неловких, но почти романтических отношениях с Джо. Малк изумленно вытаращил глаза и спросил, зачем я трачу время зря, общаясь с человеком, который никогда не сможет подняться выше какого-нибудь грязного подмастерья, а стало быть, и я из-за него всегда буду чувствовать себя жалкой и ничтожной. Отвозя меня домой, Малколм нарочно остановился у той автозаправки, где работал Джо, и эта тема в наших с ним

разговорах больше никогда не возникала. Я впервые обратила внимание и на черную грязь у Джо под ногтями, и на тату в виде дракона, кольцами обвившего его бицепс, и подумала о том, сколь неопределенно – и не слишком желательно для меня – его возможное будущее.

Однако Джо продолжал звонить и присылать электронные письма и всегда заходил, когда я приезжала на каникулы из Коннектикута. Он помог мне преодолеть весьма неприятную полосу депрессии, часами висел на телефоне, развлекая меня всякими разговорами и глупыми анекдотами, когда постоянная нервозность из-за экзаменов вызывала у меня стойкую бессонницу, и в итоге все-таки заставлял меня улыбаться, хотя тогда мне казалось, что я не улыбнусь больше никогда в жизни.

В то лето все переменялось.

Приехав на каникулы из Коннектикута, я временно обосновалась в своей прежней детской спальне. Мэриленд был уже окутан липкой и влажной жарой, которая и дом моих родителей накрыла тяжелой пеленой, и он после весны в Новой Англии показался мне каким-то тесным. По-моему, так казалось и Уинстону, нашей собаке, и я, взяв пса за поводок, вышла на улицу и двинулась на запад по знакомой, сильно заросшей деревьями тропе.

Я услышала работу всех восьми цилиндров «Мустанга» еще до того, как увидела сам автомобиль. Это было классное рычание, прямо-таки львиное, и я даже слишком хорошо его помнила.

– Эй! Фишер! – окликнул меня кто-то, чей голос я тоже даже слишком хорошо помнила.

– Эй! Ты где там? – крикнула я в ответ, поднимая руку в знак приветствия.

Джо ловко развернулся и остановился возле меня, заглушив рычание своего зверя и давая ему передохнуть. Дальше мы с ним и Уинстоном пошли уже пешком. А потом Джо сделал нечто совершенно невероятное.

Он меня поцеловал.

То, как отреагировала на это я, было еще более странным: я тоже его поцеловала. Причем совсем не так, как целовала Малколма, чуть раздвинув губы, высунув язык и открыв глаза. Нет, я целовала его, жадно исследуя каждый сантиметр его лица и шеи. В общем, мы вовсю «сосались», как сказали бы местные ребята. Такого Малколм никогда бы ни себе, ни мне не позволил.

– Ты зачем это сделал? – спросила я, вывернувшись из его объятий и пытаясь хоть немного от него отодвинуться, чтобы можно было нормально разговаривать.

– Просто захотелось узнать, что я почувствую, когда по-настоящему тебя поцелую, – сказал он.

– Зачем это тебе?

– Да просто так, – Джо снова ко мне придвинулся. – Может, ты мне нравишься.

– Да? И что же во мне тебе так понравилось?

– Ну, во-первых, ты очень красивая, – сказал он. Его губы были так близко, что я чувствовала его дыхание.

– Одной красоты мало! – засмеялась я. А он все придвигался и придвигался ко мне, а я потихоньку отодвигалась, стараясь, чтобы между нами сохранилось хоть какое-то расстояние. Физическая красота не должна побуждать к принятию решений – эту истину Малколм без конца повторял в течение всех последних классов школы.

Джо тоже засмеялся.

– Так я и не говорю, что это единственная причина. И потом, ты ведь прекрасна не только внешне.

Какой-то бегун метнулся вверх по тропе в нашу сторону, и мы сделали то, что люди обычно делают, когда их застигнут за чем-то не совсем приличным: инстинктивно отодвинулись друг от друга и приняли весьма странную, неестественную, зато «вполне приличную»

позу, из которой, впрочем, любому сразу все становилось ясно. Женщина-бегунья, которую я и раньше встречала в здешнем лесу, пробежала мимо и улыбнулась мне.

И мы с Джо, точно притянутые магнитом, тут же сомкнули объятия.

– Как тебе там, на севере, в Йеле? Нравится? – спросил он.

Мои родители и бабушка задали мне тот же вопрос всего несколько часов назад. И я ответила им точно так же, как сейчас Джо:

– Нормально.

– Тогда зачем тебе там оставаться?

Теперь мы с ним стояли рядом, соприкасаясь плечами и бедрами и опершись локтями о перекладину изгороди, и смотрели, как Уинстон копает в земле туннель. Джо своим розовым пальцем подцепил мой палец и сжал его, и мне вдруг захотелось рассказать ему о том, в каком стрессе я нахожусь от учебы, о том, сколько ночей я допоздна просидела в библиотеке в полном одиночестве, мечтая, чтобы кто-нибудь взял меня за руку и повел смотреть какой-нибудь дурацкий старый фильм. Но я не должна была ему об этом рассказывать.

– Не возвращайся туда, Эл, – тихо сказал Джо, и невозможно было понять, то ли он имеет в виду Йель, то ли Малколма.

Джо, может, и не получил по окончании школы высокого балла, а потому у него были примерно такие же шансы пройти стандартные тесты в колледже, как у кошки научиться кататься на роликах, но глуп он точно не был.

– Вся наша страна просто спятила, – продолжал он. – И ведь будет становиться только хуже, пока кто-нибудь не поймет, куда мы катимся. Поедем лучше со мной куда-нибудь на острова. Заведем себе лодку. А может, даже две. И еще парочку детишек к лодке в придачу.

Тогда я не стала принимать никаких решений – особенно насчет того, чтобы оставить колледж и спрятаться в Сент-Томасе, – а вот с Малколмом я действительно на время рассталась. Когда я в следующий раз увидела «Мустанг» Джо, ярко-красный, фигуристый, сверкающий полировкой – на такую полировку хватает времени только у молодых парней, – я мгновенно оказалась на заднем сиденье, и там мы с Джо уже не только целовались. «Мустанг» – машина тяжелая, но не такая тяжелая, как накрывшее меня тело Джо, не такая тяжелая, как мое дыхание, не такая тяжелая, как струи хлынувшего дождя, настоящего ливня, молотившего по крыше автомобиля под раскаты грома, вторившего нашим стонам. Сперва наши движения были неторопливы, потом стали быстрее, а потом снова замедлились. После двух раз мы наконец оторвались друг от друга и раскатились в разные стороны. Голова моя лежала на обнаженной груди Джо, и я слушала, как бьется его сердце – казалось, это единственный звук во всей застывшей и притихшей после грозы вселенной.

А потом мы все повторили снова, ведь когда вы молоды и безумно влюблены, ваши тела способны мгновенно восстанавливать силы и предаваться любви столько раз, сколько вам захочется или будет нужно.

В сентябре я снова поехала на север, сидя за рулем своего маленького «Фольксвагена»-«кролика» и тоскуя по мощности «Мустанга» и крепкому мускулистому телу Джо. А спустя пару недель я сидела в своей крошечной ванной, выложенной кафельной плиткой, как в придорожном мотеле, и держала в руке тест с обвиняющим синим крестом. Если я поворачивала ее, крест превращался в букву «Х», и мне казалось, что отныне вся моя жизнь перечеркнута этим косым крестом.

Я выбросила тест в мусорное ведро, натянула пижаму и снова забралась в постель, думая о том, что стоило бы, наверное, позвонить маме. И когда я уже протянула руку к телефону, он вдруг зазвонил сам. Определитель номера сообщил, что это Малколм. Я оставила включенным автоответчик и уснула.

Через три часа я прослушала оставленное им сообщение.

Он собирается приехать ко мне на машине на весь уик-энд.

Он намерен отвезти меня в Кейп.

Он хочет задать мне один вопрос.

В первую же субботу октября я постаралась все привести в порядок. Это оказалось проще, чем я думала. Нужно было всего лишь заставить себя расслабиться, лежа на кушетке в нашей студенческой поликлинике, и внимательно смотреть в глаза женщине-анестезиологу, пока та считает вслух и в итоге произносит какую-то странную фразу: *Почти подействовало*. И больше можно было не беспокоиться, какой ребенок смог бы вырасти в семье простого автомеханика и провалившейся студентки.

Джо так ничего об этом и не узнал. Ему стало известно только то, о чем я написала ему в коротеньком письме, на которое он мне не ответил.

Я решила выйти замуж за Малколма. Мне очень-очень жаль. Я люблю тебя, Джо.

Я безумно тебя люблю. Но вряд ли у нас с тобой есть будущее.

Вот что я написала ему, а потом разорвала листок и переписала письмо, оставив только две первые фразы и выбросив все, что следовало за словом «жаль».

Глава двенадцатая

– Фредди меня чуть ли не пинками выгнала вон! – сообщила мне Энн, когда мы с ней встретились в коридоре, где она, изумленная, так и стояла между своей дверью и дверью в комнату сестры. – Что это с ней такое?

Мне хотелось сказать, что «с ней такое» из-за полной неспособности ее отца хоть в чем-то ей сопереживать, но вместо этого я велела Энн спуститься на кухню и помочь Малколму с посудой, а сама вошла в комнату Фредди. То, что я там увидела, меня буквально ошеломило.

Фредди укладывала в чемодан свои вещи.

Это был старый зеленый «самсонит»; примерно такой чемодан О. Джей¹⁰ обычно перематывал пинками, появляясь в очередном телешоу. Это был тот самый чемодан, с которым мы с Малколмом ездили на Бермуды, где провели медовый месяц. Я просто представить себе не могла, где Фредди его откопала.

Ее комната, обычно очень аккуратная, где все было разложено как по линейке, превратилась в зону бедствия. Примерно так же, наверное, выглядел Новый Орлеан после налета урагана «Катрина». Лишь несколько свободных клочков пыльного ковра виднелись из-под груд белья, джинсов, зимних носков, заколок для волос и всего прочего, что обычно спокойно лежало в шкафу или комод. Я уже готова была звонить в FEMA¹¹.

– Фредди, что это ты такое делаешь? – спросила я, очень стараясь, чтобы голос мой звучал спокойно и ровно.

Словно так уж надо было об этом спрашивать.

Фредди уселась на пол и принялась раскладывать и заново сворачивать все свои вещи по одной, стараясь как можно аккуратнее сложить юбки с заутюженными складками и рукава чистых футболок, пока не убеждалась, что все выглядит вполне симметрично. При этом она все время раскачивалась, повинаясь какому-то неслышному ритму. Видимо, некая музыка постоянно звучала у нее в ушах, в том темном пространстве ее головы, куда мне доступа не было. Я знала, что лучше всего, когда Фредди в таком состоянии, просто сесть на пол напротив нее.

Так я и поступила. И тоже начала раскачиваться, как метроном, стараясь попасть в такт, точно я зеркальное отражение самой Фредди. И через несколько минут я почувствовала, что она вернулась в действительность, вернулась ко мне.

– Я провалилась, – сказала она, и я ужаснулась, так монотонно и безжизненно звучал ее голос.

– Ты не можешь этого знать, маленькая моя.

Но ведь кто-то же это знает! Пока мы за ужином в немыслимых количествах поглощали китайскую еду, некая машина или даже целая армия машин в Министерстве образования занималась подсчетами тысяч результатов Q-теста. Полученные Коэффициенты тут же прикреплялись к номеру ID-карты ученика. Так что вскоре запищат телефоны и планшеты. Некоторые семьи будут радостно отмечать очередную победу. А другим после этого уик-энда нужно будет покупать новую школьную форму. Но будут и такие, кому придется в последний раз съездить к родным, а потом укладывать, обливаясь слезами, в старый чемодан свою любимую одежду, сознавая, что это их последнее воскресенье в родном доме.

Считается, что все это очень хорошо и для детей. И для их родителей. И для общества.

Я быстро наклонилась и спрятала свою девочку у себя на груди. Но Фредди была неподвижна, как деревяшка. Мне казалось, что я обнимаю куклу.

---

¹⁰ О. Джей Симпсон – американский актер и профессиональный игрок в американский футбол.

¹¹ Federal Emergency Management Agency – Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях Министерства внутренней безопасности США.

– Слушай, – предложила я, – а пойдем-ка вниз, съедим мороженого.

На лице Фредди появилась слабая улыбка, ее глаза немного ожили. Вот и хорошо. Значит, где-то там, под этой застывшей, как дерево, поверхностью, по-прежнему моя маленькая нежная девочка.

– Шоколадного? – робко спросила она.

– Конечно. И шоколадного, и ванильного, и земляничного! И еще у меня есть печенье с изюмом. Сама выберешь, детка, что захочешь.

И тут произошло то, за что я особенно люблю Фредди: ее слабая бледная улыбка превратилась в самый настоящий рот до ушей.

А затем разом зазвонили все телефоны в доме.

Глава тринадцатая

У меня все хорошо.

У меня все хорошо, все хорошо, все хорошо, все хорошо.

Малколм и Энн уютно устроились и едят мороженое. Ну, допустим, Малколм-то ел обезжиренный замороженный йогурт, подслащенный «Сплендой», а вот Энн ложками уплетала пломбир «Роки-роуд», заедая его земляничным. Ни тот, ни другая понятия не имели о том, что было известно мне.

На мой взгляд, основная проблема заключалась в том, что мне достался муж, настолько погрузившийся в пузырь собственного интеллектуального превосходства, что представить себе существование какого бы то ни было мира за пределами этого кокона для него было абсолютно невозможно. Мысль о возможных неудачах внутри нашей семьи попросту не проникает в Малколмову систему оценок реальности. Ну, а Энн живет в состоянии того блаженного забвения, в котором способны существовать только тинейджеры.

Но я-то знаю, что все это вот-вот переменится.

– Малколм, – тихо окликнула его я.

Он поднял на меня глаза, и я все поняла; больше мне ничего не нужно было ему говорить.

Хотя сказать мне очень хотелось! Мне хотелось выкрикнуть миллион слов, и все они начинались бы с буквы «F» и заканчивались буквами «UCK». Во всяком случае, все были бы в высшей степени неприличными.

– Это невозможно, – только и вымолвил Малколм.

Возможности поддаются измерению лишь до получения окончательного результата, – вспомнила я, но так ничего и не сказала, лишь сунула ему свой телефон с эсэмэской из Министерства образования и молча подождала, пока он прочтет. Много времени на это не потребовалось – министерство безжалостно экономно в подобных оповещениях. Имя ребенка, номер его ID, то есть удостоверения личности, последний показатель Q-теста, определяющий нынешний уровень ребенка и полностью меняющий его жизнь. В данном случае это 7,9.

– Это ошибка, – тут же сказал Малколм и встал с дивана. – Я все выясню.

– Выясни, выясни, – кивнула я.

Через пять секунд он уже висел на телефоне; впрочем, сам разговор продолжался полминуты. И под конец разговора Малколм реагировал исключительно односложно: «О!», «Так», «Да».

Я смотрела то на него, то в коридор, ведущий в комнату Фредди, и снова на него. С виду Малколм все тот же, что и двадцать пять лет назад. А познакомились мы с ним и того раньше. У него все то же угловатое лицо, зачастую лишенное каких бы то ни было эмоций; те же квадратные прямые плечи, словно он готовится принять сокрушительный удар мяча и тут же отбить этот мяч обратно с не менее сокрушительной силой; те же светло-русые волосы, волнами обрамляющие лицо, хотя на висках и в углублении под затылком уже мелькает седина. А вот стекла в очках, которые он носит, стали за последние четверть века гораздо толще. В остальном же Малколм совершенно не переменился.

Хотя, должно быть, переменилась я сама, ибо теперь, когда я на него смотрю, я не вижу ничего такого, что можно было бы любить.

– Нам необходимо это уладить, – быстро сказала я, заметив, что Малколм перестал разговаривать по телефону и двинулся на кухню. – Немедленно.

Я была настроена решительно и загнала его в угол, но он повернулся ко мне спиной, делая вид, что пытается оттереть со столешницы какое-то грязное пятно.

– Малколм! Ты слышишь? Нам необходимо немедленно все уладить.

Я выросла в семье людей тихих и спокойных, где мужчины и женщины никогда не орали друг на друга за воскресным обедом, не пытались с помощью крика доказать собственную правоту и неправоту оппонента. Напряженные ситуации, конечно, возникали, но их всегда старались разрешить мирно, контролируя себя, стремясь сберечь собственные и чужие нервы.

А вот гробовое молчание Малколма меня отнюдь не успокаивало. Это была какая-то непробиваемая каменная стена, исполненная угрожающего насилия, вызывающая раздражение и дающая слишком много возможностей для самых неприятных размышлений и предположений.

Когда он все же сподобился мне ответить, голос его звучал почти неслышно.

– Мы ничего не будем улаживать, Елена.

То, что он назвал меня полным именем, должно было, видимо, означать, что разговор окончен. Но мне на это было наплевать.

– А если бы это был ребенок президента? Или сенатора? Неужели ты хочешь сказать, что и они бы смиренно смотрели, как их ребенок садится в желтый автобус через каких-то два дня после оглашения результатов теста?

Это явно его задело. Он прищурился.

– Случаются и отступления от правил.

– Нарушения правил, ты хочешь сказать?

– Нет, Елена, всего лишь отступления. Наше государство ко всем детям относится одинаково.

Я налила себе полный стакан вина – до самой верхней кромочки, – залпом выпила почти все, разве что на дне осталось чуть-чуть. Возможно, хмель поможет мне стать храбрее? А может, я хочу впасть в бешенство и наконец дать Малколму понять, как я его презираю?

– Хватит с меня твоих дерьмовых рассуждений об «одинаковом отношении ко всем детям»! – рявкнула я.

И в этот момент на кухне появилась Энн с плоской растаявшего мороженого, которое превратилось в весьма неаппетитную жижу.

– Что происходит? – тут же поинтересовалась она. – У вас, ребята, очередная супружеская ссора?

В ответ она получила кислую улыбку от отца и преувеличенно тяжкий вздох от меня.

– Мы уезжаем! – вдруг решительно заявила я. Пусть Малколм сам разбирается, кто это «мы» и куда «уезжаем».

– Что?! – Энн была явно изумлена. – И куда это мы уезжаем? – И она, не дожидаясь моего ответа, завопила: – Да у меня через две недели вечеринка! И математический клуб! И финал соревнования адвокатских команд! И...

Я резко прервала ее:

– И ни в какую государственную школу-интернат твоя сестра не поедет. Точка. Конец абзаца.

Энн так и застыла с открытым ртом; нижняя челюсть у нее слегка двигалась, но изо рта не вылетало ни звука.

– Ступай в свою комнату, Энн, – велел ей Малколм и повернулся ко мне. Я почувствовала на плече тяжесть его руки, но то было не ласковое прикосновение, а сдерживающие оковы. – Ты хотя бы имеешь представление, Эл, какая мне грозит опасность, если мы вздумаем сейчас уехать? Ведь я в первую очередь должен показывать пример остальным. Я все-таки не расклейщик афиш со сводом необходимых правил. Я работаю в Министерстве образования, будь оно трижды проклято!

– Я имела в виду только себя и девочек.

В ответ на мое пояснение Малколм взорвался чем-то более всего похожим на лай. Впрочем, это, возможно, был просто саркастический смех.

А затем куда более спокойным, но куда более опасным тоном он заявил:

– Я не позволю тебе никуда увезти мою дочь.

Мою дочь. Единственное число.

– Ты ведь не хочешь, чтобы Фредди здесь оставалась, верно? – сказала я. – Ты вообще больше не хочешь ее видеть. Она тебе не нужна.

Малколм не ответил. Но это его молчание на самом деле означало очень многое.

Я сбросила с плеча его руку и одним глотком допила оставшееся в стакане вино. Малколм быстро на меня глянул, и я тут же налила себе еще, снова выпила и налила еще, так что в бутылке практически ничего не осталось.

– А тебе известно, Малколм, какие неприятности грозят нашей семье, если ты все это не уладишь?

Но я и сама чувствовала, что эти мои слова лишены должной силы, и Малколм лишь улыбнулся в ответ.

Глава четырнадцатая

Оставив Малколма на кухне – пусть немного покипит в одиночестве, – я поднялась в комнату Фредди со своим стаканом вина и целой горой мороженого в плоске – шоколадного, ванильного и земляничного. Ах, если б это было так легко – просто взять и уехать! Просто выйти за дверь, прихватив с собой несколько чемоданов, кредитную карту и ключ от «Акуры». Ну и Фредди с Энн, разумеется.

Увы, в наши дни ничего этого так просто не сделаешь. Я и заметить не успела, как компания «Достойная семья» создала множество самых разнообразных препятствий, которые стали настоящим испытанием для моего оптимизма. Или моей глупости. Кто знает? Вполне возможно, оптимизм и глупость – это родные брат и сестра.

Заголовки газет за прошедшее десятилетие ярко вспыхивали у меня перед глазами в темноте коридора.

**Выступление учащихся против введения трехуровневой системы
в школах**

**Стремительный рост разводов – суды увеличивают время,
отведенное для раздумий**

Время быть благодарными – высказываются дети!

**Преподаватели и работники сферы образования рады росту
рабочих мест (по страницам журнала «Новые исследования»)**

**Страна семимильными шагами движется к новому уровню
благополучия**

Показатели Коэффициента более чем за век

**Пренатальный Q-тест плюс свобода репродукции равны
информированному выбору для женщин!**

**Дай дорогу, Китай! Америка воспарила, подобно орлу в
поднебесье**

И так далее, и тому подобное.

Никто больше не помнил, в каком ужасном все было состоянии, когда мы ткнулись носом во второсортную экономику, а ученые степени и дипломы колледжей стали совершенно бесполезными и стоили не больше того искусственного пергамента, на котором были напечатаны; когда обучение в начальной и средней школе буквально загнивало, годами существуя в обстановке анорексичных бюджетов, переполненных классов и бастующих учительских профсоюзов. Наверное, хорошо было бы сейчас всем об этом напомнить.

Именно тогда-то и стал выходить и пользоваться популярностью ежемесячный бюллетень «Проблемы образования» под руководством Мадлен Синклер. А набирающая силу пропаганда генетических тестов Петры Пеллер помогала заглушить любые страхи, прежде чем они вскипят и пустят пену. Невероятно активизировалась и компания «Достойная семья», без конца организовывавшая всевозможные собрания и обращения к общественности: *Неужели вам хочется вернуться назад? Чтобы вокруг снова было полно родителей-одиночек, а дети весь день бегали без присмотра, повесив на шею ключ от квартиры? Неужели вы хотите, беспокоясь о будущем ваших детей, оплачивать будущее детей других родителей?* Эта ком-

пания вечно направляла и подталкивала тех, кому могло захотеться неких перемен, кто имел собственное представление о том, как далеко мы зашли, участвуя в этой игре, и не понимал толком, насколько вообще мы в эту игру заигрались.

Если всей этой пропаганды оказывалось недостаточно, то имелись и другие побудительные мотивы, так что игра все продолжалась. Вряд ли кому-то было известно об этом лучше Мойры Кэмпбелл, которая жила через два дома от нас.

Дом Мойры был виден мне из окна спальни Фредди. Свет у них на крыльце так и не горел; он перестал гореть несколько месяцев назад, и тогда же за окнами погасло голубое свечение телевизора – это случилось, когда *тот* автобус приехал, чтобы забрать обоих сыновей Мойры. С тех пор примерно раз в неделю Мойра выходила из дома, чтобы проверить почтовый ящик, а каждую субботу с утра ее автомобиль выкатывался из гаража и исчезал в дальнем конце улицы. Но уже через час возвращался обратно. Я догадывалась, что, скорее всего, по субботам Мойра попросту закупает продукты, но уверена в этом не была. Во всяком случае, с продуктами я ее никогда не видела.

И мистера Кэмпбелла там больше не было видно. В прошлом году он оттуда съехал и с тех пор не появлялся.

Они вечно ссорились, эти Кэмпбеллы. И вечно под шумок смывались с вечеринок, устраиваемых соседями, или попросту их не посещали под тем или иным предлогом. То у Мойры заболела голова; то Мойра, к сожалению, очень поздно возвращается домой с работы; то Мойре пришлось уехать из города по семейным обстоятельствам. Предлоги бывали самыми разнообразными, но причина всегда одна и та же: брак Мойры и Шона Кэмпбелл особой крепостью не отличался, так что социализировалась эта супружеская пара плоховато. Правда, какое-то время они старательно изображали успешную семейную жизнь; Шон старался как можно больше бывать дома, как и подобает любящему мужу и отцу, но даже тогда на нашей улице ходили сплетни, что они тщетно пытаются склеить свой брак хотя бы ради детей. А когда Шон все-таки ушел из семьи, Мойра продолжала вывешивать на веревку во дворе его выстиранное белье – несколько пар боксеров, несколько маек, ну и еще кое-что по мелочи. Вполне достаточно, чтобы сохранить иллюзию нормальной семейной жизни.

Однако эта иллюзия оказалась весьма недолговечной; вскоре сотрудники органов опеки и представители компании «Достойная семья» – в основном это были вооруженные планшетами женщины в серых формах и с серыми лицами – начали посещать соседей Кэмпбеллов, терроризируя людей всевозможными вопросами. А через месяц приехал тот серый микроавтобус, и мальчики Мойры, держа в руках по чемодану, сели в него, а Мойра, стоя на крыльце, сыпала проклятиями и угрозами в адрес тех серых женщин.

– У нас все было отлично! – кричала она. – Один родитель ничуть не хуже, чем два!

Но компания «Достойная семья» с ней была не согласна.

Мойра обратилась в суд. Она обращалась туда не один, а целых три раза. Но в итоге ей пришлось самой себя защищать, потому что ни один адвокат за ее дело браться не захотел. Во всяком случае до тех пор, пока она будет оставаться матерью-одиночкой. Собственно, Мойра проиграла еще до того, как начались слушания в суде.

– Они мне заявили: надо вам подыскать себе более достойного мужа, который будет способен давать свидетельские показания в вашу пользу, – рассказывала она мне после своего третьего обращения в суд. – Можешь себе представить? Подыскать «более достойного мужа»! То есть, согласно их представлениям, он должен больше зарабатывать, реже брать бюллетени в течение года и иметь высокий Коэффициент. Да я даже своего бывшего мужа найти не могу, не говоря уж о том, чтобы заставить его в суд явиться! Гребаные законы!

Я тогда очень сочувствовала Мойре. А теперь, пожалуй, сочувствовала ей еще больше, понимая, что Малколм, который зарабатывает в два раза больше меня и в два раза реже опаздывает на работу, всегда будет для наших детей «более достойным» родителем. Получается,

что большинство мужчин всегда «более достойны» – даже те, для кого понятие «достойный» абсолютно не годится.

И вот теперь я сидела в комнате Фредди с вином, которое мне пить не хотелось, и мороженым, которое она, по-моему, есть не собиралась, и мысль об отъезде несколько восхитительных секунд змеей виляла у меня в голове, а потом исчезла, сменившись безнадежным вопросом: как долго мне самой удалось бы в таком случае пользоваться всевозможными отговорками? Месяц? Год? Да нет, скорее всего, меня уже к концу недели вывели бы на чистую воду. Мой Коэффициент, естественно, потерял бы несколько единиц, и я наверняка лишилась бы работы.

А это повредило бы Энн. Ведь главное в Коэффициентах то, что они, по всей видимости, могут наследоваться.

Малколм, впрочем, вполне мог бы разрулить эту ситуацию. Он имеет доступ к базам данных и мог бы подделать показатели Фредди. И к тому времени, как в понедельник утром возле нашего дома появился бы желтый автобус, чтобы забрать Фредди, у нас бы имелся свеженький набор оценок ее Q-теста – скажем, 8 с хвостиком.

Эту фантастическую мысль я обсасывала целую минуту. Потом, вздохнув, сказала Фредди:

– Ну, маленькая мисс, тебе, пожалуй, все-таки спать пора.

– Побудь со мной еще немножко, мамочка!

Я крепко ее обняла, и лицо ее сразу просветлело, но чувствовалось, что радостный свет в ее глазах надолго там не задержится.

– А завтра мы поедem в гости к Оме и Опе, да? – Мои родители просто с ума сойдут, когда я им все расскажу. Они всегда ненавидели Малколма, а к завтрашнему дню их ненависть еще во много раз усилится. Может быть, не до такой степени, как у меня, но тоже достаточно.

Я немного приглушила свет, и Фредди тут же стала устраиваться поудобней, прильнув к моему плечу и улыбаясь.

Она заснула почти мгновенно и сразу как-то отяжелела, привалившись к моему боку. Из-за двери доносилось бормотание телевизора, это Малколм смотрел очередную часовую передачу C-SPAN¹². На мой взгляд, это была просто какая-то мешанина из слов, точно знаками препинания отмеченная упоминаниями о Q-показателях, и эти Q выделялись как-то чересчур отчетливо.

Я чувствовала, что снова будут сниться те же отвратительные сны с танцующими буквами «Q», длинные хвосты которых, описывая округлые арки, способны дотянуться до чего угодно. И внутри каждой такой арки, образованной загнутым хвостиком буквы «Q», я видела ребенка, тинейджера, взрослого человека.

Я видела, как они задыхаются, как этот хвост их душит. Я видела их прямо перед собой, и в ночной тишине меня терзала мысль: а что, если Фредди тоже их видит?

---

¹² Американская сеть кабельного и спутникового телевидения.

Глава пятнадцатая

Когда я проснулась, в постели рядом со мной оказался не Малколм, а Фредди. И она своими длинными, как у всех детей ее возраста, руками и ногами крепко обвила меня, словно осьминог щупальцами. Я открыла глаза и поняла, что нахожусь не в своей постели, на стенах вокруг бордюр из розовых цветов. Значит, я так и уснула в комнате Фредди?

– Мам? – Голос у нее был сладкий со сна.

Я обожаю ее такой – спокойной, расслабленной, еще не думающей о том, что тревоги вот-вот обрушатся на нее всей своей тяжестью.

– Да, куколка?

– А мы точно сегодня поедem к бабушке с дедушкой?

Я прижала ее к себе и закутала нас обеих в ее розовое одеяло, как в кокон.

– Точно.

– А Энн поедет? – Теперь она заговорила шепотом. И сладкая сонная хрипловатость исчезла из ее голоса. В нем зазвучали нотки страха и тревоги – точно иглы, спрятавшиеся в вате.

– Не знаю, может быть, и нет. – Определенно нет. Малколм наверняка постарается оставить Энн дома и станет всячески доказывать ей, что она лучше всех. Его Дочь Номер Один. – В любом случае давай встанем, оденемся и в путь, хорошо? Мне бы, правда, еще душ принять.

Я выбралась из-под одеяла, и рука Фредди тут же стиснула мое запястье.

– А ты не можешь принять душ в моей ванной? И что-нибудь спеть?

– Да, детка, конечно, могу.

Сделав воду погорячей и расчесывая мокрой щеткой волосы, которые как-то чересчур отросли и уже начали меня раздражать, я принялась напевать некое попурри из песен Битлов. В основном из их старых песен, написанных еще до того, как наркотики и мистицизм превратили Великолепную четверку в самый обыкновенный гребаный квартет. Старые их песни я знала наизусть, и слова слетали с языка сами собой, что было очень кстати, потому что одновременно я сочиняла, что мне сказать родителям, когда мы к ним неожиданно заявимся. А заодно пыталась прикинуть, хватит ли у меня пороха потом не вернуться домой.

После вчерашних угроз Малколма мне стало ясно, что произойдет, если я выберу Фредди, а не Энн, если, конечно, мне не удастся придумать какой-то третий вариант. Выбирать между двумя родными дочерьми – это поистине ужасно, и еще совсем недавно я сочла бы такой выбор невыносимым, но, оглядываясь на собственную жизнь, я понимаю: это еще не самый ужасный выбор из тех, какие я уже сделала.

Когда я вышла из комнаты Фредди, вылив себе на волосы кварту кондиционера, чтобы придать им хоть какую-то форму, меня тут же начала бить дрожь, потому что я забыла захватить из своего шкафа чистую одежду, и пришлось голой бежать к себе и быстро одеваться. Затем я вышла на кухню и увидела, что Фредди уже держит наготове прошлогодний костюм «Чудо-женщины».

– Можно мне надеть его, когда мы поедem к бабушке? – Она умоляюще на меня посмотрела. Она уже напялила красные «волшебные» башмачки и один из своих любимых сверкающих браслетиков – они обычно продаются дюжинами в пластиковых пакетиках, но Фредди совершенно уверена, что эти браслеты тоже волшебные. Жаль, что это не так.

Малколм только головой покачал, увидев эту сцену.

– По-моему, ей давно пора бы перерасти всю эту чушь.

– Господи, Малколм, да ведь ей всего девять! – напомнила ему я. – Девять! И потом, вспомни: только что был Хэллоуин. – И я, повернувшись к Фредди, сказала: – Конечно, можно, дорогая, только тебе все равно придется сверху надеть пальто.

Фредди мгновенно улетела к себе и через пять минут вернулась в полном боевом облачении – от шапки до ботинок.

Малколм снова покачал головой.

Но я больше ничего не стала ему говорить. Оставив его на кухне, я пошла к себе, вытащила из шкафа модный рюкзачок фирмы «Dooney & Bourke», в который при желании можно чуть не всю Бразилию запихнуть, и принялась складывать туда самое необходимое. Трусики, бюстгалтеры и прочее белье на дно, затем запасные джинсы и свитер, а сверху всякое барахло, которое я попросту пересыпала из другой сумки. По-моему, набитым мой рюкзачок не выглядел. Во всяком случае, он выглядел не слишком набитым.

На кухне Малколм готовил себе омлет – яичные белки, сыр с низким содержанием жира, кусочки тофу и слегка обваренной цветной капусты. Это его обычная версия плотного завтрака. Глядя на это, я дала себе слово непременно остановиться в «Макдоналдсе» и заказать макмаффин с яйцом и сосиской для себя, а для Фредди панкейки, хэшбрауны или все, что она сама захочет.

– Куда это ты собралась, Эл? – спросил Малколм, глядя, как я застегиваю куртку.

– А как ты думаешь? Я везу Фредди повидаться с моими родителями.

– Зачем?

Куда? Что? Зачем? Наш брак – это сплошные вопросы.

– Именно это люди обычно делают в свой *последний* уик-энд. Так или иначе, вернемся мы поздно.

В кухне появилась Энн, цапнула горсть кукурузных хлопьев и принялась хрустеть.

– А можно и я с вами поеду?

– Можно, если ты уберешь со стола эти крошки, – сказала я.

Малколм, естественно, решил прийти на выручку своей любимице.

– Энн останется со мной. И не придирайся к ней, Елена.

Итак, у нас по-прежнему в ходу полные имена? Я заставила себя улыбнуться Энн.

– Мы, наверное, вернемся часам к пяти. Если они не попросят нас остаться на ужин, а они почти наверняка попросят. В общем, в холодильнике полно всякой китайской еды на тот случай, если вы с папой проголодаетесь. – Я высунулась в коридор и крикнула: – Фредди, ты готова?

– Готова! – Фредди тут же примчалась на кухню.

Малколм, бросив подозрительный взгляд на мою набитую сумку, спросил:

– Вы что, в путешествие собрались? – Потом медленно покачал головой. Кивок вправо, выпрямился. Кивок влево, выпрямился. И так далее.

Господи, какое дерьмо!

Мой муж умен. И не просто умен, он еще и сообразителен. Когда мы с ним в старших классах стали встречаться, я думала только об одном: *Нельзя упустить такого парня!* Я его и не упустила. Но, боже мой, как я теперь жалела, что не упустила его! Как я жалела, что продолжала с ним встречаться, а не послала его куда подальше, не забросила его, такого самодовольного, красивого и подтянутого, вместе с его эго в ближайший пруд, чтобы его оттуда выловила какая-нибудь другая дура. Как я жалела, что не забросила удочку и не вытащила из этого пруда нормального приятного парня. А ведь я была весьма близко знакома с одним таким парнем, во всех отношениях нормальным и приятным. Но все это было так давно...

Не надо, Эл. Только не надо вспоминать.

– погоди, я только пальто надену, – сказал вдруг Малколм и снял с огня свой омлет.

Клянусь, мне было слышно, как он про себя ехидно хихикает.

Глава шестнадцатая

Спорить с Малколмом было бесполезно, потому-то я и оказалась на заднем сиденье его, на мой взгляд, слишком большого, просто великанского «BMW crossover SUV», и рядом со мной притулилась Фредди, уставившаяся в свой телефон, на экране которого какие-то зомби убивали друг друга лазерными лучами. Малколм настоял, чтобы именно Энн села с ним рядом на переднее сиденье, потому что «ее укачивает», но мне-то было ясно, почему он так сделал.

– Приятно будет повидаться с Сандрой и Герхардом, мы ведь так давно не виделись, – сказал он, поднимая оконное стекло. – И с твоей бабушкой тоже.

Это была наглая ложь. Враждебность в отношениях Малколма с моей семьей всегда была взаимной, хотя, пожалуй, показатель активной ненависти у Малколма гораздо выше.

Я решила поймать его на этой лжи и заметила:

– Не понимаю, зачем ты все-таки с нами поехал.

Малколм посмотрел на меня в зеркало заднего вида – я видела только его переносицу и шоколадные глаза, но он явно улыбался.

– Не хотелось, чтобы вы с Фредди сорвались с поводка, – спокойно ответил он. – Тем более в такое отвратительное утро.

Ехать до моих родителей примерно час. Когда мы добрались до Балтимора, Фредди уже мирно спала, оставив меня в обществе безмолвного Малколма и обиженно молчавшей Энн. Нам предстояло еще минут тридцать ехать по узким извилистым шоссе, и мой муж решил все же продолжить разговор:

– Ты же прекрасно знаешь, Елена, что я далеко не дурак.

Да уж. Это я действительно знаю прекрасно. Малколм не устает напоминать мне об этом уже более двадцати пяти лет.

– Твои родственники – черт, забыл слово! – *абсолютно непредсказуемы*. – Только Малколм совсем не это имел в виду. «Непредсказуемы» на его языке означало «не заинтересованы в том, чтобы играть по правилам».

– Им просто не нравится эта новая система, – равнодушно заметила я.

Я могла лишь представить себе, как бы на самом деле отреагировали мои родители – если бы я по-прежнему жила вместе с ними – на деятельность компании «Достойная семья», или на последние новшества в системе образования, или на любую из тех безумных инициатив, которые оказались способны охватить всю страну с той же скоростью, с какой еда, поглощенная гусем, проходит сквозь его пищеварительный тракт и вываливается наружу в виде дерьма. Я слишком хорошо знаю своего отца, и можно было не сомневаться, что он разнес бы вдребезги пол-Вашингтона, если бы решил, что это принесет хоть какую-то пользу; и вряд ли он хоть на минутку задумался бы о том, что при этом и сам с легкостью может погибнуть. Единственной причиной, заставлявшей моих родителей как-то мириться с существованием Малколма, была их пылкая любовь к Энн и Фредди.

– Именно это я и хочу сказать. – И Малколм, понизив голос, прибавил: – На прошлый День благодарения твой отец назвал меня нацистом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.